ОДИНОКИЙ ВОЛК

АРТУР АСЛЯМОВ

Артур Аслямов

Одинокий волк

«Автор»

2026

Аслямов А.

Одинокий волк / А. Аслямов — «Автор», 2026

Его подобрали на улице десятилетним, голодным и с ножом в кармане. Человек, которого все называли Отцом, дал ему дом, имя и семью. Это семья, где своих не бросают, а за своих убивают.Прошли годы. Рэй Гаррет стал лучшим, кто был у Отца. У него есть брат, который всегда прикроет. Есть девушка, о которой он не смеет сказать вслух. И есть люди, готовые идти за ним куда угодно.Однажды ночью всё это начинает рушиться. Кто-то бьёт точно, словно знает каждую дверь в их доме и каждую привычку. Кто-то оставляет записку: «Ты потеряешь всё, чем дорожил». И держит слово.Город назначает цену за голову Рэя, а он выходит на охоту один. Он ищет того, кто всегда на шаг впереди. Того, кто считает его ходы раньше, чем Рэй их сделает.Рэй ещё не знает, что ответ всё это время был рядом. И что в этой истории есть человек, о существовании которого он даже не подозревает.

© Аслямов А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1. Сбывается то, чего боишься 6
Глава 2. Тот, кто спит по ночам 13
Глава 3. Двенадцать коек 20
Глава 4. Меньше, чем ты думаешь 26
Глава 5. Свои 33
Глава 6. Восемь светофоров 40
Глава 7. Его никто не возьмёт 46
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Артур Аслямов
Одинокий волк

Пролог

Кофе остывал в картонной подставке. Рэй нёс её двумя пальцами, отставив руку в сторону, чтобы не плеснуть на куртку, а другой рукой тянул пакет, который резал ладонь. Сквозь прорезь в крышке одного стакана проступала пена: девушка за стойкой нарисовала на ней сердечко, а он не успел сказать, что не надо.

В подъезде пахло чужим супом и мокрыми зонтами. Лампочка на втором этаже не горела третий месяц, и он поднимался на ощупь, по памяти, считая ступени: двенадцать, площадка, ещё двенадцать. За дверью на первом этаже коротко, для порядка, гавкнула соседская собака и замолчала.

Он думал о цветах. У киоска на углу стояли вёдра с мокрыми хризантемами, а он прошёл мимо: не знал, какие она любит. Шесть лет — и не знал. Он решил, что спросит сегодня, за кофе, и от того, что можно просто спросить и услышать ответ, ему стало почти смешно.

На третьем этаже он остановился перевести дух и переложил пакет в другую руку.

Дверь квартиры была приоткрыта.

Совсем немного — на ширину пальца. Сосед прошёл бы мимо и не заметил. Рэй уходил отсюда час назад и запирал на два замка; он помнил, как туго щёлкнул второй, на который приходилось налегать плечом.

Пакет выскользнул из пальцев на бетон. Из него выкатилась бутылка лимонада тёмно-зелёного стекла, качнулась на неровном полу и замерла у самого порога, не разбившись. Картонная подставка накренилась, и по ступеням вниз медленно потекло коричневое.

Он не помнил, когда в его руке оказался пистолет.

Из квартиры не доносилось ни звука: ни шагов, ни воды в кране, ни её сонного голоса, который спросил бы, где его носит. Только запах, тянувшийся из щели, — тот, который он узнал бы с закрытыми глазами в любом подвале этого города.

Рэй поднял пистолет и шагнул к двери.

Глава 1. Сбывается то, чего боишься

Склад пах машинным маслом, мокрым бетоном и порохом — порох въелся в стены так давно, что его не брали ни хлорка, ни годы. Снаружи третий час сеял дождь, обычный осенний дождь Дрейкпорта, из тех, что не кончаются до утра. Внутри гудела вентиляция, а в глубине здания лязгали ящики: парни разгружали машину, номер которой лучше было не запоминать.

Рэй шёл через главный зал, не поворачивая головы. Он знал здесь каждую колонну и каждую щель между штабелями, откуда удобно стрелять, если кто-нибудь однажды решит взять склад Отца силой. Пока никто не решил, но углы он всё равно считал — привычка осталась с десяти лет, с тех пор как он понял, что взрослые могут войти в комнату в любую минуту. Шесть колонн, два прохода, одна лестница. Если начнётся, то от ворот.

Дверь кабинета в дальнем конце стояла приоткрытой на два пальца: хозяин на месте и принимает. Рэй толкнул её плечом.

Отец сидел за столом, заваленным бумагами, к которым никто, кроме него, не смел прикасаться. Крупный, за пятьдесят, седина на висках, через левую бровь — белый рубец, ровный, как шов на мешке. На скрип двери он поднял глаза и промолчал. Ждать он умел так, что собеседнику хотелось заговорить первым, лишь бы не сидеть в этой тишине.

— Готово, — сказал Рэй. — Все четверо. Дэлмор сгорел вместе с товаром. Двое сунулись через заднюю дверь — их Омар с Диего приняли.

Бровь со шрамом чуть поднялась.

— Поговорили с ними. — Рэй помолчал. — Один всё просил жене передать, что любит её.

— И ты передал?

— Я его жену в глаза не видел.

Пальцы в кармане куртки сжались сами. Лицо того парня, мокрое от слёз и сажи, Рэй помнил хорошо, и помнил, как тот твердил имя жены, будто оно могло его вытащить. Анна. Имя легло туда же, где лежали другие, и ночью, Рэй это знал, оно всплывёт.

Отец кивнул — один раз. Вслух он не хвалил никогда. Похвала как патроны, сказал он однажды: истратишь на ерунду — не останется, когда понадобится. Его одобрение выглядело иначе: следующее дело всегда оказывалось тяжелее.

— Константин семьям сам скажет. — Отец постучал ручкой по краю стола. — Пожар на складе стройматериалов, проводка старая. Пожарные первыми в это и поверят. Им так спокойнее спать.

— Как всегда.

— Как всегда, — согласился Отец и отложил ручку. — Сядь-ка.

Рэй сел, не снимая куртки, и выдержал взгляд, который задержался на нём на секунду дольше обычного. Так Отец смотрел на шахматную доску, когда позиция ещё не ясна.

— Через две недели садимся с русскими. Восточный причал. Пришлют своего человека — не курьера, а такого, что будет жить в городе постоянно. Сядешь справа от меня.

— Опять причал. — Рэй невесело хмыкнул. — Мы за этот бетон уже троих положили.

— Четверых. Кортеса ты всё время забываешь, потому что он месяц ещё в больнице протянул. — В голосе не было упрёка, только усталость человека, который ведёт этот счёт дольше. — Причал нужен круглый год, Рэй. Просто зимой за него умирают тише. Летом орут.

Спорить Рэй не стал. В делах территории он давно не искал смысла отдельно от денег: деньги объясняли почти всё, а остальное объяснялось гордостью или страхом, иногда тем и другим сразу.

В дверь стукнули — один раз, коротко, без той почтительной паузы, с какой стучали рядовые, — и, не дожидаясь ответа, в проёме встал Владимир, огромный, в мокрой куртке. Костяшки правой руки были разбиты в мясо, и замотать их он даже не подумал.

— Не помешал? Да ладно, вижу, что помешал. — Он ухмыльнулся без тени раскаяния. — Хотел вас обоих застать, пока не разбежались.

— Что с грузом? — спросил Отец, не поднимая головы.

— Целый. — Владимир стряхнул с волос воду, как пёс. — Там один грузчик решил, что раз у него спина больная, то можно таскать вполсилы. Пришлось объяснить, что у нас спина — это не уважительная причина.

— И как объяснил?

Владимир оглядел свою руку, будто впервые её видел.

— Доходчиво. Он теперь за двоих таскает. Говорит, спина прошла. Чудо, считай.

Отец хмыкнул, почти неслышно. Владимир едва заметно мотнул Рэю головой в сторону двери. Слова им давно были не нужны: двенадцать лет в одном доме, за одним столом и под одной фамилией — не по крови, а от человека за этим столом — научили их договариваться бровями.

— Всё, идите оба. — Отец снова взял ручку. — Про русских потом договорим. И руку замотай, Володя, на тебя смотреть больно.

* * *

В коридоре Владимир хлопнул его по плечу — тяжело, как всегда, с лишней силой, которую так и не научился отмерять.

— Слушай, ты с утра лет на пять постарел. Я серьёзно. Ещё пару таких дней — и я тебя дедом звать начну. Дэлмор?

— Нормально прошло.

— Ага. Нормально. — Владимир заглянул ему в лицо. — Так. А теперь по-честному.

С любым другим Рэй отшутился бы. С Владимиром шутка не работала.

— Сны пропали. Совсем. Ложусь — и до утра кручу то, что днём было. Как плёнку.

Владимир шутить не стал, хотя мог. Он вообще умел вовремя промолчать, и об этом мало кто знал.

— Да никто из нас толком не спит, брат. Просто у тебя это на лбу написано, а я научился чёлкой прикрывать. — Он подтолкнул Рэя к лестнице. — Пошли вниз. Покажу тебе новенького, Феликса. Говорят, вчера чуть зал не разнёс. Хочу посмотреть, что от зала осталось.

Тренировочный зал был в подвале: низкий потолок, протёртые маты, мешки, перемотанные изолентой, стойка с деревянными и тупыми учебными ножами. Пахло потом и резиной, а не порохом, и этот запах Рэй любил почти так же сильно, как ненавидел тот, наверху. Внизу всё было честно: пропустил удар — больно, но никто не умирает.

В углу Джонни Лэй бил мешок, ровно, без остановок, будто считал удары и боялся сбиться. Платон у стены ставил стойку какому-то пацану и поправлял ему локоть, говоря так тихо, что пацан тянулся к нему ухом. Когда вошёл Рэй, Платон поднял голову.

— Дэлмор?

— Закрыли.

— Все четверо?

Про число он спрашивал всегда, и Рэй давно перестал это замечать, как перестают слышать скрип половицы в собственном доме. Он кивнул.

— А через заднюю не лезли?

— Двое полезли. Их приняли.

— Через заднюю всегда лезут. — Платон снова повернулся к пацану. — Слышал? Запоминай. Заходишь в дом — первым делом ищи, где у него задняя дверь. Про неё все забывают, пока она не понадобится.

Феликс сидел на скамейке у дальней стены — огромный, рыжий, кулаки ободраны до крови, а лицо как у школьника, которого сейчас вызовут к доске. У его ног валялся мешок, лопнувший по шву, и из него струйкой сыпался песок.

— Вот он, красавец, — сказал Владимир с такой гордостью, будто сам его родил. — Сильный, как бык, и примерно такой же умный. Лупит, как будто ему с килограмма платят.

— Пусть бьёт, пока не начнёт думать, куда.

— А если так и не начнёт?

— Будет ящики носить. — Рэй пожал плечами. — Ящикам всё равно, о чём он думает.

Феликс покраснел до ушей и уставился в пол. Рэй не стал смягчать сказанное, хотя парня было немного жаль. В десять лет он и сам был таким, только дрался не кулаками, а заточенным гвоздём.

Владимир стянул куртку и остался в чёрной футболке, трещавшей на плечах. Отец когда-то гонял его по железу так же упорно, как Рэя — по скорости, и вырастил из него стену.

— Ну что, разомнёмся? — Владимир снял со стойки два деревянных ножа и бросил один Рэю. — Или ты сегодня совсем выжатый, тебя пальцем ткни — упадёшь?

Рэй поймал нож не глядя и крутанул в пальцах.

— Только потом не ной, что я тебя опять за десять секунд положил.

— За двенадцать! — возмутился Владимир. — Я считал. Двенадцать.

— Растёшь.

У Рэя дрогнуло что-то в лице, коротко, по-мальчишески. Владимир это заметил и промолчал.

Они разошлись по мату. Владимир, как всегда, пошёл первым, на весе, на рывке, а Рэй ушёл в сторону легче, чем позволяла усталость, и деревянный клинок прошёл у самых рёбер брата, не коснувшись.

— Вот за это я тебя и ненавижу, — выдохнул Владимир, разворачиваясь.

— Врёшь. Ты меня уважаешь. Ненавидеть у тебя терпения не хватит.

— Ну, того и другого понемногу, — засмеялся Владимир и снова пошёл вперёд.

Дрались минут десять — до пота, но не до победы. Под конец Владимир поймал запястье Рэя в замок, Рэй прижал деревянное лезвие к его горлу, и вышла ничья. В последнее время у них всё чаще так кончалось, и оба давно перестали делать вид, что это их злит.

Владимир разжал руку и рухнул спиной на мат.

— Ничего. Однажды я тебя всё-таки уложу. Вот увидишь.

— Не загадывай.

— Это ещё почему?

— В этом доме загаданное не сбывается. — Рэй сел рядом и вытер лоб тыльной стороной ладони. — Сбывается то, чего боишься.

— Ох, ты сегодня прямо праздник ходячий. Тебя на поминки приглашать можно, вместо оркестра.

— Я с Дэлмора.

Посидели молча. Джонни бил мешок, Платон бубнил пацану что-то про колени. Рэй разглядывал тёмные от пыли балки и впервые за день ни о чём не думал: не считал углы, не прикидывал, где выход, не перебирал в голове дела на вечер. Рядом с Владимиром это получалось само, а больше почти ни с кем. Если бы его спросили, что такое дом, он показал бы на этот подвал: мат, балки и брат, который пыхтит рядом, как паровоз.

— Про русских слышал? — спросил Владимир, разглядывая те же балки.

— Сегодня.

— Постоянного человека пришлют, говорят.

— Пришлют.

— Значит, кто-то наверху решил, что мы слишком долго жили мирно. Заскучали без нас.

— Или хочет мира, но по-своему. А это хуже.

Владимир повернул к нему голову.

— Ты точно не спишь, — сказал он, и насмешки в голосе впервые за вечер не было.

* * *

Рита ждала у лестницы, привалившись плечом к стене, с листком в руке, и смотрела на Владимира так, что тот сразу поднял ладони.

— Я помнил! Честное слово, помнил.

— Ты забыл. Третий раз за неделю.

— Помнил, просто не успел. Это разные вещи.

— Это одно и то же, Володя. Только звучит длиннее. — Она протянула листок Рэю. — Держи. Тут всё, что ты наобещал и не сделал.

Почерк мелкий, ровный, строчки до самого края, а на полях её восклицательные знаки — там, где дело не терпело.

— Длинный какой.

— Я старалась покороче. Честно. Это я ещё половину вычеркнула. — Она взяла его за запястье, развернула ладонью вниз и оглядела костяшки. — Не твоя кровь.

— Не моя.

— Ну и хорошо. — Отпустила. — Чья — не спрашиваю.

— Правильно делаешь.

— Не спрашиваю, потому что и так знаю. — Она уже повернулась к лестнице и бросила через плечо: — Пятый пункт — сегодня, Рэй. Не завтра, не «как-нибудь». Человек второй месяц денег ждёт, у него дочь болеет.

— Какой человек?

— Прочитаешь. Ты же умеешь читать, я видела.

Она поднималась по ступенькам, не оглядываясь. Единственная в этом доме, кто брал его за руку, чтобы проверить, чья на ней кровь. Остальные отводили глаза.

— Она тебя когда-нибудь пристукнет, — сказал Владимир ей вслед почти с восхищением.

— Тогда ей придётся писать списки тебе. Ты этого не переживёшь. — Рэй сложил листок вчетверо, сунул во внутренний карман, к ножу, и пошёл наверх.

Пятым пунктом значился Гарри Новак, сварщик, который чинил Отцу ворота в поместье и до сих пор не получил ни цента. Около девяти Рэй нашёл его в тесной квартире над прачечной. Новак приоткрыл дверь на цепочке, увидел, кто стоит на площадке, и посерел: он уже успел придумать, зачем к нему пришли.

— Я не жаловался, — заговорил он в щель торопливо, глотая слова. — Я никому, клянусь, ни слова. Я только у девушки спросил, по-хорошему, а она сказала, что передаст, и всё, больше я…

Рэй протянул в щель конверт.

— Тут за ворота. И сверху за два месяца. — Он постарался сказать это мягче, чем говорил обычно.

Новак конверт не взял.

— За что сверху-то? — спросил он почти шёпотом.

— За то, что ждал. И не орал.

Из комнаты за спиной Новака донёсся детский кашель — сухой, долгий, с присвистом. Новак оглянулся на звук, перевёл глаза на конверт и только тогда снял цепочку.

— Спасибо. Спасибо вам, мистер Гаррет. Вы девушке той… вы ей скажите… — Как сказать, он не нашёл и только махнул рукой.

— Скажу.

Смотреть ему в глаза почему-то стало трудно. Рэй спустился, сел в машину и вычеркнул пятый пункт. Рядом Рита приписала карандашом, мелко: «Не пугай его». Он перечитал эти три слова, поднял глаза на зеркало заднего вида, на своё отражение, и понял, что всё-таки напугал.

Когда это началось — что люди видят его в дверях и сразу думают о худшем? Он попробовал вспомнить, кто последним открыл ему без цепочки, и не вспомнил никого, кроме Риты. Но Рита перед ним дверь не запирала вовсе.

* * *

Дом стоял в северном пригороде Дрейкпорта, на тихой улице под старыми клёнами, которые уже желтели с краёв. В окнах горел тёплый свет, и снаружи дом походил на открытку — если не знать, кто в нём живёт и о чём молчит.

Алекс заглушил мотор и посидел в машине. Сквозь стекло и дождь пробивался рояль: кто-то спотыкался на одной и той же фразе, начинал заново и снова спотыкался. Значит, Лилит ещё занималась.

Он вошёл через боковую дверь и прикрыл её медленно, придерживая, хотя смысла в этом не было: Лилит услышала бы его и в носках. Она не видела с рождения, зато слышала так, что Алекс давно перестал что-либо от неё прятать — она всё равно читала его через стену.

За роялем сидела девочка лет десяти, тощая, в огромном свитере, и в пятый раз спотыкалась на том же такте. Лилит стояла рядом, слегка наклонив голову. Рыжие волосы были кое-как собраны в узел, и несколько прядей выбились на щёку.

— Стоп-стоп-стоп. Мия, у тебя рука каменная. Ты по клавише бьёшь, как будто она тебе денег должна. Отпусти. Пусть пальцы просто падают, как капли.

Она наклонилась и сыграла те же четыре такта. Ноты были самые простые, но у неё им словно было куда идти.

— Слышишь разницу? Давай ещё.

Вышло чуть мягче. Лилит быстро, широко улыбнулась и, не оборачиваясь, спросила:

— Давно ты там подпираешь косяк?

— Минуты три.

— Ой, не ври. Пять. Ты на третьей минуте вздохнул, я слышала.

— Не хотел мешать.

— Ты мне не мешаешь. Ты мне мешаешь, только когда молчишь в соседней комнате. — Она тронула девочку за плечо. — Всё, Мия, на сегодня хватит. Дома — левая рука отдельно. Медленно. Медленнее, чем хочется. Скорость сама придёт, её не надо звать.

Мия сгребла ноты в папку, пробормотала «спасибо, до свидания» и выскочила за дверь; снаружи хлопнула дверца машины.

Лилит пошла к нему на звук шагов, нашла его руку и задержала пальцы на запястье, считая пульс. Так она делала вместо того, чтобы заглянуть в глаза.

— Ты был у неё.

Он кивнул.

— Ну? Не кивай, я же не вижу.

— Не узнала. — Голос не слушался. — Назвала меня Ричардом. Спросила, почему я так поздно с работы и опять без зонта.

Её пальцы на запястье не шевельнулись.

— Медсестра говорит — месяц. Может, меньше. Она почти не ест.

— А ты сам-то ел?

— Нет.

— Я так и думала. Пойдём. Сначала поешь, потом будешь страдать. На голодный желудок страдать вредно.

На кухне что-то тихо булькало. Лилит никогда не ждала его, чтобы начать ужин, и всё равно каждый раз попадала минута в минуту. Как-то он спросил, как ей это удаётся. «Ты воз-

вращаешься, когда у тебя кончается терпение, — сказала она. — А оно у тебя кончается в одно и то же время».

Ели на кухне: столовая ещё в первые месяцы брака показалась им слишком большой и торжественной для двоих. За окном темнело, клёны теряли очертания.

— Кстати, звонил Ярослав, — сказала Лилит, накладывая себе риса. Ложка безошибочно нашла край тарелки.

Алекс перестал жевать.

— И чего хотел?

— Спрашивал, свободны ли мы в субботу. Хочет заехать.

— Зачем?

— Сказал, просто так. Соскучился.

— Ярослав ничего не делает просто так. Он и чихает, наверное, с какой-то целью.

— Ты знаешь, что у тебя голос меняется, когда я произношу его имя? Становится такой… как будто ты в шарф говоришь.

— Тебе кажется.

Лилит не стала спорить. Ложь она слышала, как фальшивую ноту в чужой игре, и редко поправляла сразу — давала доиграть фразу.

— Мы за два года виделись один раз, — сказал Алекс. — На похоронах отца. Он простоял у могилы, держал меня за локоть, будто я сейчас свалюсь, а потом сел в машину и уехал. Даже на поминки не остался. Даже к дому не подъехал — отец бы его и мёртвый на порог не пустил.

— А ты знаешь, за что его выгнали?

— Отец не говорил. — Алекс поморщился. — Но он никого не выгонял без причины.

— Это не ответ, милый. Это отговорка, одетая как ответ.

— Другого у меня нет. — Он отложил вилку. — Он звонит раз в полгода и спрашивает, как дела. Я говорю — нормально. Он говорит — ну и хорошо. И всё, разговор окончен. А тут вдруг суббота.

— Может, он про маму знает.

— Тогда пусть к ней и едет. Не ко мне.

Лилит повернулась к нему, точно на голос.

— Может, ему просто одиноко, Алекс. Не у всех есть дом, куда можно вот так взять и заехать.

— У него был такой дом. Он сам его потерял.

— Ты так говоришь, будто сам выбирал, в какой семье расти.

Он не ответил: куда ведёт этот разговор, он знал наизусть. С Ярославом всегда выходило одно и то же. Брат говорил ровно, улыбался, задавал правильные вопросы, а за каждым словом оставалось что-то недоговорённое, и недоговорённое нарочно. Алекса это бесило с детства и бесило до сих пор, хотя ему давно не двенадцать.

— Ладно, — сдался он наконец. — Ладно. Суббота. Скажи, что мы дома.

— Вот видишь. Не умер.

До конца ужина говорили о другом.

— У меня новая ученица, — рассказывала Лилит. — Абсолютный слух и ноль терпения. Вообще ноль.

— Это плохо?

— Хуже не придумаешь. Она слышит, что играет плохо, и от этого злится и играет ещё хуже. Замкнутый круг с косичками. — Лилит улыбнулась в тарелку. — А у тебя что?

— Петерсон опять в тир зовёт. Третий месяц уже. Обещает научить меня держать пистолет.

— И что ты ему?

— Говорю, что громких звуков боюсь.

Лилит прыснула.

— Ты стреляешь с девяти лет, бессовестный.

— Поэтому и не пойду. Мне там скучно будет, как взрослому в песочнице. А он обидится, что я лучше.

— Почему ты ему просто не скажешь?

— Что? — Алекс криво усмехнулся. — Что отец каждую субботу запирал меня в подвале с инструктором и пистолетом? Петерсон решит, что я из какой-нибудь секты.

— Это и было немного похоже на секту.

Алекс помолчал.

— Нет. Знаешь… я по нему скучаю. По этим субботам. Если честно, только по ним и скучаю.

Лилит протянула руку через стол и нашла его пальцы.

* * *

После ужина он поставил тихую музыку — не ту, что Лилит разучивала с учениками, а что-то струнное, без слов. Устроились на диване: она у него под рукой, он с пачкой полисов на коленях, которые листал и не читал.

— У тебя рука каменная, — сказала Лилит, проведя пальцами по его предплечью. — Прямо как у Мии.

— Устал просто.

— Нет. Когда ты устаёшь, ты по-другому молчишь. Мягче.

— Ну, задумался.

— О чём?

— Да так. Ни о чём.

На этот раз она поправлять не стала, только прижалась плотнее: подождёт. Она всегда ждала, пока он сам решит, что сказать, даже если на это уходили годы.

А сказать было нечего. Было чувство, которое не отпускало его уже несколько недель и не имело ни повода, ни имени: будто кто-то стоит на улице и смотрит на освещённые окна. Трижды за месяц он выходил ночью на крыльцо, стоял в темноте и никого не видел. Списывал на мать, которая умирала в хосписе и звала его чужим именем, на отца, чьи шаги ещё иногда чудились ему на лестнице, на осень, пришедшую в этом году раньше.

Около полуночи Лилит ушла наверх. Алекс обошёл дом, проверил заднюю дверь, окно в кладовой, замок на входной — и проверил замок ещё раз.

— Опять ты за своё, — донеслось сверху, из темноты.

— Отец всегда проверял.

— Отца нет, Алекс.

— Вот поэтому и проверяю я.

Наверху скрипнула кровать. Алекс постоял в прихожей ещё минуту перед тёмным стеклом входной двери. Оттуда на него глядело бледное, ничем не примечательное лицо человека, который продаёт страховки и спит по ночам. Он выключил свет и пошёл наверх.

Через улицу, под клёнами, у тротуара стояла машина с выключенными фарами. Когда наверху погас свет, она постояла ещё минуту, тронулась и уехала, так и не включив фар.

Глава 2. Тот, кто спит по ночам

Для переговоров с русскими нейтральной территорией служил «Атлант» — старый ресторан на набережной, с полудня закрытый для посторонних. За окнами лежала серая вода залива, портовые краны на том берегу стояли в тумане, как журавли, забывшие улететь. Здание пережило трёх владельцев и по меньшей мере одну перестрелку; дыры в стенах давно заштукатурили, но бармены в соседних заведениях до сих пор показывали, где лежал тот, кто выстрелил первым. Для таких встреч место годилось идеально: с улицы обычный ресторан, а изнутри не слышно, о чём говорят.

Рэй приехал с Отцом и Константином за двадцать минут до срока. Люди Отца уже сидели по местам: один у бара, двое у окна, ещё один ужинал в углу, не снимая куртки, и в третий раз заказывал всё тот же кофе.

— Запомни одну вещь, — сказал Отец, оглядывая зал. — Сегодня разговор не о причале. Причал — это так, повод сесть за стол. Разговор о том, кто ближайшие десять лет будет решать, что в этом городе можно, а что нельзя. И сколько народу придётся закопать, чтобы это решение не развалилось.

— Понял.

— Ты услышал. — Отец чуть усмехнулся. — Понимать начнёшь, когда они войдут.

Константин сел слева и положил на стол тонкую кожаную папку, которую Рэй за все годы ни разу не видел открытой. Противник косился на папку и думал, что консильери сверяется с записями, а Константин помнил наизусть каждую цифру и носил её только затем, чтобы на неё смотрели.

— Она хоть не пустая? — тихо спросил Рэй.

— Там лежит моя пенсия, — так же тихо ответил Константин. — В виде вашего спокойствия.

Русские вошли минута в минуту, и пунктуальность у них была заявлением: не раньше, потому что не боимся, и не позже, потому что не нуждаемся, чтобы нас ждали. Первым, без охраны впереди, вошёл переговорщик — руки в карманах, походка слишком лёгкая для человека, пришедшего делить деньги.

Рэй застыл и тут же заставил себя дышать.

Только не ты. Кто угодно, только не ты за этим столом. Откуда взялась эта мысль, от радости или от страха, он и сам не знал, скорее от того и другого сразу: пить с человеком в баре — одно, а сидеть напротив, когда решается, кто кого закопает, — совсем другое.

Ярослав почти не изменился. Тёмный костюм сидел безупречно, но галстук был ослаблен, верхняя пуговица расстёгнута, будто он только что сбежал с чьей-то свадьбы и ещё не решил, понравилось ли ему. Светлые, почти прозрачные глаза обошли зал, задержались на каждом человеке Отца — Рэй видел, как он ставит про себя галочку за галочкой, — и остановились на нём.

— О-о, — протянул Ярослав с таким удовольствием, будто встретил приятеля на ярмарке. — Нет, ну вы посмотрите. Ты всё ещё ходишь на такие встречи в чистой рубашке. Это трогательно, честное слово. К твоим годам в нашем деле обычно не остаётся ни рубашек, ни иллюзий. Ну, рубашки ещё бывают. Чужие.

— Кто-то же должен выглядеть прилично, когда в зале цирк. — Уголок рта у Рэя всё-таки дёрнулся.

— Я — цирк? — Ярослав прижал ладонь к груди, сама оскорблённая невинность. — Я? Человек, который ради этой встречи погладил галстук?

— Ты шапито. С галстуком.

Ярослав коротко рассмеялся, кажется, по-настоящему. По дороге к своему месту он кивнул одному из людей Отца, как старому знакомому, и тот растерянно кивнул в ответ, а потом, судя по лицу, долго вспоминал, где они встречались. Встречались они нигде.

— Постоянный представитель, значит, — негромко сказал Рэй.

— Ты его знаешь, — так же негромко, не поворачивая головы, сказал Отец. Это был не вопрос.

— Давно. Ещё до того, как ты начал сажать меня за стол.

— Вот как. — Отец только повёл бровью. — Потом расскажешь. Подробно.

Ярослав сел напротив, откинулся на спинку и первым делом изучил сервировку.

— Надеюсь, кофе здесь приличный, — сообщил он в пространство. — А то на прошлой неделе одна семья — не будем показывать пальцем — подала мне что-то такое горькое, что я до сих пор не уверен, был это кофе или их честность. Я два дня отплёвывался.

Отец не улыбнулся: на манеры людей по ту сторону стола он давно перестал реагировать.

— Восточный причал. Вы на него претендуете и машете договорённостью пятнадцатилетней давности.

— Машу, — легко согласился Ярослав. — Потому что её никто не отменял. Бумага вообще упрямая штука. Люди, которые её подписывали, давно кто где — кто на пенсии, кто на кладбище, — а она лежит себе в ящике и ждёт, когда кто-нибудь вспомнит, что она есть.

— «Не отменяли» и «действует» — это разные слова, молодой человек.

— Ох, как вы меня назвали. Молодой человек. Мне это теперь целый день греть будет. — Ярослав кивнул, почти довольный. — Но вы правы, разные.

— Семь лет причал держат мои люди.

— Справедливо. — Ярослав так легко пожал плечами, что Рэй не понял, уступка это или ход. — Хотя, согласитесь, справедливое и выгодное редко ходят под ручку. Иначе в мире было бы куда меньше адвокатов. И куда больше скучных ужинов.

Дальше пошло как обычно: довод, пауза, ещё довод, и обе стороны прощупывали, как далеко можно зайти, не опрокинув стол. Рэй слушал не слова, а лицо Ярослава. Оно менялось каждую секунду — ленивая полуулыбка, гримаса скуки, миг полной и неприятной неподвижности, — и где он говорит всерьёз, угадать было нельзя. Рэй знал это лицо четыре года и так и не научился его читать.

— Зимой причал на треть пустой, — заметил Ярослав, изучая ноготь на большом пальце, будто мысль пришла к нему только что и совершенно случайно. — Понимаете? Вопрос ведь не в том, чей он круглый год, а в том, кто умнее распорядится простоем. У вас тут люди по подвалам спят, а у нас бетон у воды пустой стоит. Это даже как-то неприлично.

Отец чуть подался вперёд. Рэй знал это движение: собеседник сказал что-то, за что стоит заплатить вниманием.

— Продолжай.

— Делим не по метрам. По сезонам. — На одну фразу голос Ярослава стал сухим и точным, как скальпель, и тут же снова расплылся. — Плюс право первого отказа той стороне, у кого в квартале зона загружена больше. На бумаге поровну, на деле — как повезёт. Обожаю договоры, где всё решает везение. В нашем деле, правда, везёт обычно тому, кто первым передумал. Но это уже мелочи.

Не сразу, но Рэй разглядел, что под шуткой лежит схема, оставлявшая Ярославу зазор. Прямой раздел территории связал бы ему руки, а такой оставлял управляемую неопределённость, которую в любом следующем квартале можно было развернуть в свою сторону. Рэй позволил себе едва заметную усмешку: четыре года назад этот человек проделал то же самое с другим переговорщиком, и с тех пор ничего не изменилось.

— А кто будет считать, чья зона загружена? — спросил Отец. — Написать-то легко. А потом каждый квартал будем сидеть и грызться из-за цифр.

— Таможенные декларации, — сказал Константин и впервые за вечер раскрыл папку. Вынул один лист — готовую формулу подсчёта грузооборота. — Их не подделает ни одна сторона. А раз так — ни одна и обвинить другую не сможет. Скучно, зато честно.

Ярослав взял лист, пробежал его глазами и вдруг рассмеялся, негромко и искренне. Рэй растерялся, и Константин, кажется, тоже.

— Нет, это прекрасно. Консильери, который приносит на встречу решение моей проблемы. В папочке. — Ярослав ещё улыбался, но взгляд оставался ясным и цепким, словно смеялся кто-то другой, а он только наблюдал. — Мне нравится ваша команда, честное слово. Вы окружили себя людьми, которые думают на два хода дальше, чем требует вежливость. Это очень опасная привычка. Для меня в первую очередь.

— Так принимаете или нет?

— Принимаю. — Ярослав весело отсалютовал листом. — Спорить с хорошей идеей — только время тратить. А я не люблю тратить то, чего у меня и так немного.

Уточнять никто не стал, да он, судя по лицу, уточнений и не ждал.

Остаток встречи ушёл на детали: оговорки, сроки пересмотра, неустойки. Константин мелким почерком вписывал правки на полях. Ярослав подписал размашисто, почти небрежно, как автограф. Отец подписал вторым, не перечитывая: перечитал он всё, пока Ярослав смеялся над формулой.

Когда охрана Ярослава вышла покурить на набережную, сам он остался за столом и вертел в пальцах ручку.

— Рэй Гаррет, — произнёс он, со вкусом растягивая слоги. — Ты знаешь, ты вырос из мальчишки, который спорил со мной о честности. Жалко. Мне тот мальчишка нравился. В нём было что-то, чего этот город ещё не успел вытравить.

— А что успел?

Ярослав разглядывал его слишком внимательно и слишком долго для старого знакомого — так вглядываются в фотографию, пытаясь понять, что с ней не так.

— Слушай, ты мне всё время кого-то напоминаешь. Четыре года уже. И никак не могу вспомнить кого. Это мучительно, между прочим.

— Себя в молодости?

— Ну нет. Я в молодости был красивее. Гораздо. — Он отложил ручку. — Кого-то, кто спит по ночам.

— Таких я не знаю.

— Вот и я так думал. — Ярослав улыбнулся, грустно, одними глазами.

Отец подошёл обменяться с ним последними фразами — сухими, деловыми, ни словом не выдававшими, что час назад он узнал о дружбе сына с этим человеком. Рэй стоял в стороне. «Кто-то, кто спит по ночам» — это было не про него и никогда не было про него. Мысли сами ушли в другую комнату, на четыре года назад, туда, где всё началось.

* * *

Четыре года назад

В восемнадцать Рэй впервые сидел на переговорах не у двери с пистолетом под курткой, а за столом. Отец решил, что пора привыкать: однажды эту часть дела придётся вести без него. Встречались тогда на складе, в задней комнате с мутным окном и столом, который пришлось застелить газетой, чтобы не запачкать рукава. Русских представлял человек, чьё имя Рэй потом забыл, — оно стёрлось, как стирается всё, что случилось рядом с чем-то важным.

Молодой Ярослав, двадцати двух лет, сидел по левую руку от переговорщика и с таким видом разглядывал свои ногти, что Рэй решил: этот вообще не слушает. Он ошибся, но понял это не сразу.

Переговорщик заговорил о территории и начал сулить людей, оружие, поддержку из столицы. Фальшь лезла из каждого слова. Точно так же в приюте Рэй чуял, когда воспитательница

врала, что усыновители приедут в пятницу. Никто не приедет. И у тебя ничего нет. Ему было восемнадцать, прямота ещё не обтёрлась о чужие столы, и он перебил:

— Да нет у вас этого.

Пауза вышла ощутимой. Отец смерил его взглядом, который обещал долгий разговор в машине. И в эту паузу со своего места лениво, будто спросонья, заговорил Ярослав:

— А мальчик-то прав. — Глаз от ногтей он так и не поднял. — Ресурсов, о которых тут так красиво рассказывают, у нас нет. Есть план, как их достать. Это, знаете, немножко разные вещи. Забавно, что разницу заметил мальчик, а взрослый дядя за этим столом — нет.

Потом он поднял голову, взглянул на Рэя — и замер.

Рэй запомнил это на годы, хотя тогда не понял, что видит. Лицо Ярослава не застыло от удивления, а остановилось, как останавливаются часы, и секунду или две он смотрел так, будто в комнату вошёл человек, которого здесь быть не могло. Потом моргнул, и сонная ленца вернулась на место.

Переговорщик побагровел, но спорить со своим при чужих не стал. Разговор пошёл честнее и, как ни странно, выгоднее для обеих сторон.

Когда всё закончилось, Ярослав подошёл к Рэю сам, а для человека его положения это было необычно: к таким подходят, а не они.

— Ты зачем своего Отца подставил? Чтобы вам в лицо не врали? — Он снова разглядывал Рэя, медленно, по частям: скулы, подбородок, разрез глаз. — Большинство промолчали бы и потом в машине поругались. Ты слишком молод, чтобы бояться последствий, или слишком честен, чтобы их считать?

— А если и то и другое? — Рэй упрямо не отводил глаз.

— Честная неопределённость. Ох, мне нравится. — Ярослав улыбнулся. — Понимаешь, в нашем деле люди либо врут не задумываясь, либо так громко мучаются совестью, что хочется выйти из комнаты и подышать. А ты какой-то третий. Береги это. Хотя за такое город ломает быстрее всего, тут я тебе ничего не обещаю.

— Ты чего на меня так смотришь?

Ярослав помедлил.

— Как — так? — переспросил он слишком беспечно.

— Как будто мы знакомы.

— Нет. Вот это я тебе обещаю. Мы не знакомы.

Рэй решил, что это просто чудачество человека, привыкшего говорить загадками, и через полгода забыл бы о нём, если бы не вторая встреча.

Через два месяца они столкнулись в баре на границе территорий, куда бойцы обеих семей заходили так часто, что считали его ничьим. Рэй ждал Владимира, когда Ярослав без приглашения сел на соседний табурет — но и без той навязчивости, от которой хочется отодвинуться.

— Ну что, всё ещё считаешь честность полезной? — спросил он вместо приветствия и кивнул бармену. Бармен налил, не спрашивая что.

— Считаю, что враньё больше памяти жрёт. Рано или поздно забываешь, кому что наврал.

Ярослав запрокинул голову и захохотал так, что за соседним столиком обернулись.

— Прекрасно! Нет, правда прекрасно. Я это запишу и буду выдавать за своё. У меня, знаешь ли, целая картотека чужих острот. По темам. С закладками.

— Полка про переговорщиков, которые блефуют, есть?

— Самая толстая. Скоро новую заводить. — Он глянул на Рэя поверх стакана. — Блефуют люди удивительно однообразно, ты не поверишь. Три фразы в разном порядке. Как-то раз я досчитал до четырёх и так обрадовался, что чуть не расцеловал этого человека.

Просидели они дольше, чем собирались оба.

— Он тебе воду наливает, — Рэй кивнул на бармена. — Думает, ты не замечаешь.

— А это я его попросил. Мне так спокойнее: никто не знает, сколько я выпил. Даже я иногда сбиваюсь, представляешь?

— Зачем?

— Пьяный человек слишком честный. С ним скучно договариваться, он сразу всё отдаёт. — Ярослав покрутил стакан. — Слушай, а почему в этом городе нет нормального хлеба, ты не знаешь? Я весь город обошёл.

— Потому что никто тут не живёт так долго, чтобы научиться его печь.

Ярослав взглянул на него с интересом.

— Хорошо. Очень хорошо. И это запишу.

Каждый вечер к дверям бара приходила одна и та же собака, садилась на мокрый порог, ждала и уходила, никого не дождавшись. Рэй заметил, что Ярослав каждый раз сворачивает в сторону, стоит разговору подобраться к личному: шутка, поворот, встречный вопрос — и так гладко, что сам вряд ли это замечает. Давить Рэй не стал. Цену чужому праву на молчание он знал: за своё платил дорого.

— А семья у тебя есть? — спросил он под конец.

Ярослав долго крутил стакан.

— Была, — сказал он наконец, неожиданно тихо. — Есть. Ну, смотря как считать. Есть брат. Раз в месяц пишет мне и каждый раз спрашивает, когда я приеду. И отец, при котором я давно говорю только то, что он хочет слышать. По нашим меркам — образцовая семья, хоть на открытку.

— Родной брат?

— Нет. Мы оба не родные. Нас в тот дом собирали, как марки в альбом.

Он допил, встал и бросил на стойку деньги за обоих.

— А твой Владимир опаздывает, — сказал он уже весело, будто последних минут и не было. — Это хорошо. Значит, ему есть куда опаздывать.

С тех пор так и повелось. Рэй никогда не знал заранее, шутит Ярослав или говорит всерьёз, беспечен он или просчитывает каждый ход: в нём уживалось и то и другое, одно другому не мешало. Людей вокруг Рэя такая непредсказуемость пугала, а его самого тянула, как задача, к которой возвращаешься снова и снова и каждый раз промахиваешься мимо ответа.

Дружбой это назвать было трудно: в их мире в любой связи сидел расчёт. Но к Ярославу Рэй шёл тогда, когда больше идти было не к кому, и ни разу об этом не пожалел. Иногда, возвращаясь из бара, он ловил себя на странной мысли: Ярослав смотрит на него так, будто Рэй ему что-то должен. Или будто это он должен Рэю. Кто кому, понять так и не удалось.

Года через два после той встречи Владимир однажды всё-таки пришёл вовремя и застал их вдвоём. Сел рядом, заказал пива и долго разглядывал Ярослава, а Ярослав — его.

— Так это ты тот самый русский.

— Каюсь. — Ярослав охотно приподнял стакан. — А ты, значит, брат. Наслышан, наслышан.

— И что ж ты наслышан? — Владимир недобро сощурился.

— Что бьёшь ты сильнее, чем думаешь, а думаешь медленнее, чем бьёшь, — с самым серьёзным видом сообщил Ярослав.

Владимир поставил кружку, Рэй приготовился разнимать — а Владимир расхохотался так, что бармен уронил полотенце.

— Рэй, он мне нравится. Можно я его себе оставлю?

Позже, когда Рэй вышел позвонить, Ярослав наклонился к Владимиру и спросил совсем другим голосом, тихо:

— Он спит по ночам?

— Кто, Рэй? — Владимир пожал плечами. — Да хреново спит. А тебе-то что?

— Ничего. — Беспечная улыбка вернулась на место. — Так, интересуюсь. Я вообще любопытный.

Владимир рассказал об этом Рэю только через год, мимоходом, и Рэй тогда не придал этому значения.

* * *

Зал пустел. Охрана Отца и люди Ярослава договаривались о передаче документов. Ярослав поднялся одним из последних и застегнул пиджак с преувеличенной торжественностью, словно раскланивался после спектакля.

— Ещё увидимся, Рэй Гаррет. — На секунду насмешка из голоса пропала. — Скорее, чем тебе хочется.

— Я бы как-нибудь обошёлся.

— Знаю, знаю. Поэтому и скорее.

Он вышел вслед за своими людьми в темноту набережной, к ждавшей его машине.

Обратно ехали втроём: Отец за рулём, Рэй рядом, Константин сзади с нераскрытой папкой на коленях. Несколько кварталов молчали. Потом Отец, не отрывая глаз от дороги, сказал:

— Четыре года, значит.

— Мы виделись несколько раз. — Плечи у Рэя напряглись сами.

— Несколько раз за четыре года — это уже привычка, сынок.

За окном плыли огни порта, и в стекле плыло его отражение. На миг Рэю почудилось, что лицо у отражения другое — спокойнее, чем у него самого. Он отвёл глаза.

— Он ни разу ни о чём меня не спрашивал. Ни про тебя, ни про дела, ни про людей. Мы про собаку у бара разговаривали. Честно.

— Вот это и хуже. Лучше бы спрашивал.

— Почему?

— Потому что человек, который ни о чём не спрашивает, либо уже знает, что ему нужно. Либо ему нужно то, чего в наших делах нет. Не знаю, что из этого меня больше беспокоит.

Сзади тихо кашлянул Константин. Отец поймал его взгляд в зеркале.

— Ну, говори уж.

— Он не про дела, — сказал Константин. — Он смотрел на мальчика, как на долг, который не может вернуть. Я такое видел у людей, которые приходят на похороны и не знают, к кому подойти.

Рэй обернулся, но Константин уже уставился в окно, будто ничего и не говорил.

— Ты ему доверяешь? — спросил Рэй.

Отец ответил не сразу.

— Я доверяю тому, что за этим балаганом сидит один из самых острых умов, с какими мне доводилось садиться за стол. А доверять уму и доверять человеку — это разные вещи, запомни. — Он скосил глаза на Рэя. — А ты?

— Не знаю. Тем, кто много улыбается, я не верю. А этому почему-то хочется.

— Вот это и есть самое опасное. Когда хочется.

На перекрёстке загорелся красный. Улица была пуста, но Отец остановился и долго не трогался, глядя на светофор.

— Пригласи его как-нибудь, — сказал он, и в голосе мелькнула усмешка. — На шахматы. Без людей. Хочу посмотреть, как он проигрывает.

— Он не проигрывает.

— Проигрывают все, Рэй. Всё дело в том, что человек делает с лицом, когда понимает, что проиграл.

Загорелся зелёный. Константин хмыкнул — единственный звук за всю оставшуюся дорогу — и снова отвернулся к тёмному стеклу.

Дома, уже за полночь, Рэю пришло сообщение с незнакомого номера: «Говорят, твой Отец играет в шахматы. Передай, что я бы с удовольствием сыграл. И предупреди, что проигрываю я некрасиво». Без подписи. Рэй перечитал его дважды, поймал себя на том, что улыбается в тёмной комнате, и перестал.

Глава 3. Двенадцать коек

Приют номер четыре стоял на отшибе, там, где Дрейкпорт переставал делать вид, что следит за окраинами. Когда-то кирпич выкрасили в жёлтый, но краска облезла задолго до рождения Рэя, и здание стало серым — того же цвета, что одеяла, под которыми в четырёх комнатах спали три десятка детей. Окна спален выходили во двор с мусорными баками; на улицу не смотрело ни одно, словно приют стеснялся города.

Воспитательницы менялись раз в полгода. Задерживались самые равнодушные или самые уставшие: первым было всё равно, вторые к десятому ребёнку в очереди за ужином уже не спрашивали, наелся ли девятый.

В десять лет Рэй перестал ждать. Особенного дня для этого не понадобилось: однажды он просто заметил, что больше не оборачивается к двери, когда приходят пары. На восьмилетних глядели охотнее, на пятилетних с нежностью, а на десятилетнего мальчишку с тяжёлым немигающим взглядом — как на собаку, о которой известно одно: когда-то она кусалась. Женщина в светлом пальто, пришедшая с мужем, который всё время поглядывал на часы, наклонилась к нему и спросила, как его зовут. Рэй ответил. Она спросила, любит ли он читать. Рэй сказал, что читать тут нечего. Она улыбнулась и выпрямилась, и он понял: всё.

Всю ночь он злился — не на неё, на себя. Надо было сказать, что любит. Соврать. Все врут, а он не умеет. На неё злиться было бесполезно: она уже ушла.

Через неделю она забрала из второй спальни рыжую девочку, которая всё время плакала. Плакать, наверное, полезно, решил Рэй, но так и не научился.

* * *

На ужин давали жидкую кашу и кусок хлеба — столько, чтобы не умереть, а не чтобы наесться. Рэй ел быстро и прикрывал тарелку локтем, хотя у соседей хватало своих забот.

Через два места от него сидел мальчик, которого воспитательницы забывали пересчитывать. Он не прятался — просто был таким тихим, что взгляд соскальзывал с него, как с пустого стула. На перекличке его называли последним, иногда не называли вовсе, а потом находили в дальнем углу спальни: сидит на полу и разглядывает свои руки. Была у него привычка, которую Рэй заметил не сразу: каждую ночь перед сном он шёпотом пересчитывал койки. Их в комнате было двенадцать. Однажды одну унесли в ремонт, и он пересчитал трижды, а губы у него дрожали.

Рэй с ним почти не разговаривал, разве что бросал обычное, ничего не значащее: «подвинься», «твоя очередь мыть пол», «дай ложку».

В феврале в третьей спальне прорвало трубу, тех детей раскидали по остальным комнатам, и одеял не хватило. Воспитательница пообещала, что новые привезут в понедельник, и ушла. Был четверг.

Ночью в комнате стоял такой холод, что изо рта шёл пар. Рэй лежал без одеяла, в свитере и носках: если поджать колени к подбородку и не шевелиться, тепло, может, и не уйдёт. Тепло уходило всё равно. Он считал про себя до ста, чтобы не думать о холоде, и начинал заново.

Скрипнула соседняя койка, потом ещё одна, через проход. Над Рэем выросла тёмная фигура. Тихий мальчик стоял босиком на ледяном полу и держал в руках своё одеяло.

Не сказав ни слова, он укрыл им Рэя, поправил край, чтобы не сползал, вернулся к себе, лёг без ничего и отвернулся к стене.

Спасибо Рэй не сказал — не умел. В приюте, если тебе что-то давали, потом забирали вдвойне, и лучше было не показывать, что ты взял. Он лежал под чужим одеялом, пахнущим чужим телом, и всю ночь твердил себе: надо отдать, тот же замёрзнет, утром отдам. Ему было тепло впервые за неделю, и от этого тепла было стыдно.

Утром он не отдал. Новые одеяла привезли не в понедельник, а через две недели, и все две недели тихий мальчик спал в свитере и куртке, а Рэй каждую ночь думал, что надо отдать, и каждую ночь укрывался.

Об этом они так ни разу и не заговорили.

* * *

В тот вечер дежурила Гроссман — широкая, вечно пахнущая мятными таблетками, которыми перебивала другой запах. После ужина она застукала троих старших в туалете с сигаретами, украденными из её же сумки, и, не разбираясь, оставила без завтрака всё крыло, включая тех, кто весь вечер просидел в спальне.

— Да вы все одинаковые, — бросила она в коридоре, ни на кого не глядя. — Не один, так другой, не сегодня, так завтра. Ещё я буду разбираться, кто из вас хуже. Делать мне больше нечего.

Рэй не возмутился. Справедливость в четвёртом приюте была словом из книжек, которых здесь не читали: её не ждали, о ней не говорили, на неё не надеялись.

Но ночью, на скрипучей койке, разглядывая выученную наизусть трещину на потолке, он вдруг очень спокойно понял, что так будет всегда. Лучше не станет ни через год, ни через пять. Он будет расти, становиться выше, злее, неудобнее и отпугивать любую пару в светлом пальто. Досидит здесь до восемнадцати, а потом его выставят за дверь с пакетом вещей, как выставляли всех, — без денег, без бумаг, без единого человека, которому не всё равно, доживёт он до зимы или нет.

Никто не придёт. Значит, он пойдёт сам.

Решение пришло не вспышкой, а так, как узнаёшь, что за окном пошёл дождь: просто слышишь — и всё.

Он ушёл через три дня, ночью, когда дежурил самый равнодушный — дядька, который засыпал в кресле у входа задолго до полуночи. Окно в кладовой на первом этаже толком не закрывалось: чинить щеколду было некому. Из кладовой Рэй вынес буханку хлеба, огрызок хозяйственного мыла и старую куртку на два размера больше, но в марте размер значения не имел.

На обратном пути он задержался у двери своей спальни — не от сомнений, а по привычке проверить, не проснулся ли кто. В темноте угадывались двенадцать коек, слышалось дыхание спящих. У дальней стены, где спал тихий мальчик, ему на миг почудилось, что кто-то не спит и следит за ним.

Проверять он не стал.

Разбудить мальчика ему даже не пришло в голову, как не приходит в голову взять с собой стул или лампу. План был на одного: двое — это вдвое больше шума и вдвое меньше шансов. Рэй вернулся в кладовую, толкнул створку, вылез на мокрый от талого снега двор и пошёл к забору, ни разу не обернувшись.

* * *

Улица оказалась равнодушнее приюта, но её равнодушие было честнее. Здесь никто не притворялся, что заботится, и за первые недели Рэй понял, что так проще: не нужно гадать, когда доброе лицо станет пустым.

Спал он на задворках рынка, где по утрам находились мятые, но съедобные овощи, и под мостом через реку, где собирались такие же, как он, — от пятилетних, которых кто-то привёл и бросил, до шестнадцатилетних, давно никого не ждавших. Порядок там устанавливался быстро: кто сильнее, тот ест первым. Тощий и мелкий для своих лет, Рэй первую неделю ел последним, пока не понял, что сила — не единственное, что здесь в счёт.

Он был быстрым, и не в ногах дело: тело отвечало раньше, чем голова успевала решить. Когда старший, Бык, попробовал отнять у него банку консервов из контейнера за кафе, Рэй

ушёл от первого удара, ещё не сообразив, что его бьют, а в следующую секунду полоснул Быка заточенным гвоздём по тыльной стороне ладони. Неглубоко — только чтобы запомнил.

Бык запомнил. Запомнил весь мост, и через три дня про «мелкого из четвёртого, который кусается» знали и на рынке, и у вокзала.

Дальше было как у всех: мелкое воровство и беготня по поручениям торговцев, которые расплачивались едой — ребёнку без бумаг деньгами можно не платить, жаловаться он не пойдёт. Голод перестал быть событием и стал фоном; тело привыкает ко всему, и через месяц Рэй уже не помнил, каково это — наесться.

В конце апреля он заболел — то ли простыл под мостом, то ли съел что-то не то — и двое суток пролежал в бреду между сваями, мокрый от пота и трясущийся от холода. Никто не принёс ему воды, никто не спросил, жив ли он. Бык прошёл мимо, остановился, поглядел и двинулся дальше.

Из той болезни он запомнил немного: жар, холод, вонь реки и одну очень ясную мысль под исход второй ночи. Если он сейчас умрёт, этого никто в городе не заметит. Ни один человек. Ни у кого в этот день ничего не изменится. Он повторял это, как считалку, и с каждым разом внутри становилось не страшнее, а горячее.

Мысль его не напугала — разозлила. Злость была густая, тяжёлая и подняла его на ноги вернее, чем подняла бы вода. С той ночи она так и не ушла: легла поглубже и ждала, во что её можно будет вложить.

* * *

Он ещё шатался, когда однажды вечером набрёл в глухом дворе у товарной станции на стальную дверь. Из-под неё пробивался свет и шёл гул: рёв толпы, вскрики, тишина и снова рёв. Внизу кого-то били, и людям это нравилось. Из щели тянуло тёплым воздухом, потом и табаком, и Рэй рассудил, что там, где столько народу, обязательно найдётся что взять — кошелёк, куртка, недоеденный бутерброд.

Дверь стояла приоткрытой: охрана то ли отошла, то ли не думала, что кто-то сунется туда в одиночку. Рэй проскользнул в бетонный коридор, уходящий вниз, на шум, и почти сразу наткнулся на мужчину, вышедшего покурить.

Сзади послышались шаги, и подошли ещё двое — крупные, в хороших куртках, из тех, кто не голодает.

Рэй развернулся с ножом — настоящим, складным, месяц назад вытащенным из кармана пьяного докера. Рука дрожала от слабости, и он сам понимал, как это выглядит: тощий, мокрый, зелёный мальчишка с лезвием, которое ходит ходуном. Но отступать было некуда, а улица научила главному: страх не показывают, даже когда шансов нет.

— Тихо, тихо, тихо. — Передний поднял ладони и оскалился. Он не боялся, ему было почти весело. — Ты глянь, какой. Ты откуда такой взялся, герой? С ножиком?

Гул внизу на секунду стих. По коридору быстро поднялся ещё один — крупнее остальных, в простой рубашке с закатанными рукавами, с каплей чужой крови на манжете. Охранники молча расступились.

Мужчина окинул взглядом Рэя, нож, обе руки, из последних сил сжимавшие рукоять, мокрое серое лицо.

— Как тебя зовут?

— Какая тебе разница. — Пальцы на рукояти побелели.

— Мне — не всё равно. — Он чуть усмехнулся. — Я, видишь ли, люблю знать, как зовут тех, кто пытается меня ограбить, а сам еле на ногах стоит. Такие мне редко попадаются.

— Я не грабил, — выдавил Рэй. — Я есть хотел. Просто есть.

— В подпольном бойцовском клубе. Поесть. — Мужчина кивнул, будто это всё объясняло. — Ну что ж. Либо ты самый невезучий вор в городе, либо самый отчаянный. Обычно, правда, это один и тот же человек.

Он присел на корточки, вровень с Рэем, и этого Рэй не ожидал. Взрослые перед ним на корточки не садились. Они всегда смотрели сверху.

— Слушай меня. Я не подаю, — сказал мужчина без тени улыбки. — И беспризорников из жалости не собираю, у меня не приют. Жалость — это когда потом стыдно, а мне стыдно не бывает. Но предложение у меня есть. И до утра я с ним ждать не стану. Ты, по-моему, сам до утра не дотянешь.

Пол под ногами у Рэя начал плавно покачиваться.

— Дом, — медленно, взвешивая каждое слово, проговорил мужчина. — Еда. Крыша. Защита. А взамен — вырастешь и будешь отвечать за то, что тебе доверят, и жить по моим правилам. Я не беру тех, кто сбегает, когда становится тяжело. Скажешь «да» — назад дороги не будет, это ты сразу пойми. Из моей семьи не уходят. Ни живыми, ни мёртвыми.

— А если… если я откажусь? — На последнем слове голос сорвался.

— Тогда мои люди вынесут тебя туда, где взяли, и положат аккуратно. Заставлять не буду: преданность из-под палки ничего не стоит. — Он помедлил. — Только решай быстрее, парень. Ты сейчас упадёшь.

Голоса доходили до Рэя как сквозь воду. Спокойный большой человек с чужой кровью на рукаве предлагал ему то, чего не дали ни приют, ни город, ни один человек за десять лет. Если это ловушка, то хотя бы тёплая. Внизу тепло. А под мостом холодно, и там его никто не ждёт.

— Согласен, — прошептал Рэй.

Это было последнее, что он помнил ясно. Потом пол накренился, коридор сложился пополам, и стало темно.

* * *

Очнулся он на чистых простынях, с мокрой тряпкой на лбу и пересохшим ртом; сквозь плотные шторы сочился мягкий дневной свет. На стуле у окна сидела пожилая женщина в переднике и читала. Увидев, что он открыл глаза, она молча поднесла к его губам стакан.

— Ну, очнулся наконец. Три дня в жару пролежал, — проворчала она без всякой злости. — Доктор говорит, повезло тебе, что принесли, когда принесли. Ещё бы сутки на улице — и везти было бы некого. Пей, пей. Не торопись, а то обратно пойдёт.

— Где я? — прохрипел Рэй.

— У Отца.

— У кого? — Он попытался приподняться на локте.

Она посмотрела на него так, будто он спросил, какого цвета небо.

— Так его здесь все зовут. С большой буквы. Он велел тебя не трогать, пока на ноги не встанешь, и заходил по два раза на дню. А он так ни к кому не заходит, если хочешь знать. Ни к кому.

Рэй пролежал ещё три дня. Бульон и хлеб приносили, не дожидаясь, пока он попросит, и столько, сколько на улице не набралось бы за неделю. Первые два дня он прятал часть хлеба под матрас; на третий женщина нашла его запасы, ничего не сказала и вечером принесла двойную порцию. Прятать больше было незачем, и всё-таки он прятал ещё месяц. Сегодня дают, а завтра скажут, что ошиблись.

Отец заходил ненадолго, спрашивал о самочувствии и уходил. Но то, что он приходил каждый день, значило для Рэя больше любых слов: обещание в подвальном коридоре ему не приснилось.

На четвёртый день, когда ноги перестали подгибаться, Отец пришёл сам, чтобы отвести его в дом.

— Тебя там спросили, как зовут, а ты мне — «какая тебе разница». — Он шёл медленно, подстраиваясь под шаг Рэя, и едва заметно усмехался. — Я тогда подумал: а разница-то есть. Так как тебя зовут?

— Рэй.

— Фамилия?

— В приюте какая-то была. По номеру группы. — Рэй угрюмо пожал плечами. — Не помню я её.

Отец остановился.

— Тогда с сегодняшнего дня ты Гаррет, — сказал он негромко, но очень твёрдо. — Это фамилия моей матери. Я её мало кому даю. И почти каждого из них потом сам провожаю на кладбище. Так что носи аккуратно, не урони.

Он кивнул — один раз, коротко, как ставят печать, — и пошёл дальше. Через годы Рэй научится узнавать этот кивок из любого угла комнаты.

* * *

Домом это оказалось только по названию: поместье на окраине, за высоким забором. Жили там сам Отец, десяток бойцов, несколько семей его ближних людей и, как выяснилось в тот же день, мальчик на год старше Рэя — крепкий, широкий не по годам, с разбитой губой.

Они столкнулись в коридоре главного дома.

— Владимир, — сказал Отец, положив Рэю на плечо тяжёлую ладонь. — Мой сын. Знакомься. Теперь у тебя есть брат. Береги его. Здесь это единственное, что у человека нельзя отобрать.

Владимир оглядел Рэя с ног до головы — без злобы, с любопытством хозяина, который прикидывает, будет от нового жильца толк или одна морока.

— Тощий какой.

— А у тебя губа разбита, — буркнул Рэй исподлобья.

Владимир широко, по-мальчишески ухмыльнулся.

— А, это я с Максом подрался. Он сказал, что приютские долго не живут. Ну, я ему и показал, что он ошибся. Он теперь сам недолго проживёт, если ещё раз скажет. — Он мотнул головой в сторону кухни. — Есть хочешь? По средам кухарка нормально готовит. А сегодня как раз среда, тебе повезло.

— А по другим дням что?

— По другим тоже ешь, куда денешься, — расхохотался Владимир. — Но по средам хоть не стыдно.

Пошли вместе. Владимир болтал всю дорогу — про порядки, про то, кого лучше обходить, а с кем можно договориться, про тренировки на рассвете, про инструктора, который не любит ждать. Рэй слушал вполуха и разглядывал ковры, тёмные портреты незнакомых людей, люстру в холле. На кухне пахло мясом и луком. Кухарка, ни о чём не спрашивая, поставила перед ним тарелку и смотрела, как он ест, и Рэю впервые в жизни не захотелось прикрыть тарелку локтем.

Он ел и ждал, что сейчас кто-нибудь войдёт и скажет, что вышла ошибка. Ешь быстрее, пока не отобрали. Но никто не вошёл.

* * *

Утром Владимир растолкал его затемно.

— Вставай, вставай! Инструктор ждать не любит, — зашипел он и сдёрнул с Рэя одеяло.

— Сколько времени-то?

— Лучше не спрашивай. Узнаешь — будет хуже.

На утоптанной площадке за домом уже стояли человек шесть мальчишек разного возраста — воспитанники Отца, будущие бойцы семьи. Перед ними расхаживал невысокий жилистый мужчина с седым ёжиком, Хиро, и взгляд у него был такой же прямой, как у Отца в бетонном коридоре.

— А-а, новенький, — протянул он с ленивым пренебрежением. — Тощий. Говорят, быстрый. Быстрые, знаешь ли, умирают позже других. Но чаще, чем хотелось бы. Ну, посмотрим на тебя.

— Почему?

Хиро остановился.

— Потому что быстрым всегда кажется, что они успеют. — Он ткнул пальцем в середину строя. — А теперь встал туда. И рот закрыл. Вопросы будешь задавать, когда заслужишь.

Первая тренировка вымотала его сильнее недели голода, но голодная усталость была пустой, а эта — нет. Когда после третьего круга по двору его вывернуло у забора, Владимир подошёл, подождал, пока он закончит, и протянул флягу.

— А ты быстрее, чем выглядишь, — сказал он с неожиданным уважением. — Хиро аж бровь поднял, я видел.

— Я выгляжу как дохлый. — Рэй вытер рот рукавом.

— Ну вот и я о том же.

К концу утра Рэй заметил, что впервые за долгое время не считает минуты до конца.

Вечером ему дали комнату — свою, с окном и кроватью, на которой лежали два одеяла. Рэй долго стоял над ними. Вспомнилась тёмная фигура босиком на ледяном полу, и то, что он так и не отдал. Тот сейчас там, в холоде, а у него — два. Он укрылся одним, а второе свернул и положил на пол у кровати, будто кто-то ещё мог прийти. Утром кухарка, застилая постель, подняла его и ни о чём не спросила.

Через неделю за ужином он спросил Отца:

— А можно… можно забрать оттуда ещё одного? Из приюта.

Отец отложил вилку.

— Кого?

— Мальчика. Из моей спальни. Он мне одеяло своё отдал, когда холодно было.

— Как его зовут?

Рэй открыл рот и понял, что не знает.

Глава 4. Меньше, чем ты думаешь

Вечером Отец позвал Рэя в кабинет, но не по делу: ни одной папки на столе, только доска с начатой партией, которую он вторую неделю играл сам с собой, переставляя фигуры между звонками.

— Садись. Твой ход. Ты чёрными.

— Шахматы? Я думал, мы про русских будем.

— Про русских мы уже всё сказали. — Отец откинулся в кресле. — А сейчас я хочу научить тебя тому, чему меня самого никто не учил. Как держать город и не потерять при этом семью. Это, поверь, потруднее причала.

Рэй пошёл конём, почти не думая, и по тому, как дрогнула бровь со шрамом, понял, что зря.

— Ну вот. Ты играешь, как дерёшься, — сказал Отец и ответил слоном. — Быстро, на реакции, не думая. В драке это работает. Здесь — нет. Здесь противник тоже думает, Рэй. Он не ждёт твоего удара. Он заранее готовит, куда ты упадёшь.

— Ты меня позвал, чтобы сказать, что я плохо играю?

— Это ты и сам знаешь. Я позвал сказать другое. Однажды ты будешь сидеть напротив людей, которые думают вперёд. Враги, союзники, собственные капитаны — все. — Он неторопливо сделал ещё ход, и Рэй вдруг увидел, что за пять ходов его чёрных загнали в угол. — Хороший боец побеждает реакцией. А тот, кто держит семью, — тем, что видит доску на три хода дальше остальных.

Рэй склонился над доской и наконец всмотрелся в неё по-настоящему. Отец чуть улыбнулся — редкой, почти незаметной улыбкой, которую Рэй за двенадцать лет мог пересчитать по пальцам.

— И сколько лет ты собираешься меня этому учить? Десять? Двадцать?

Отец ответил не сразу.

— Меньше, чем ты думаешь.

— Это ты сейчас угрожаешь или обещаешь?

— Ни то ни другое. Арифметика. Я не молодею, Рэй. Семье нужен человек, который готов, а не тот, кого застали со спущенными штанами. Я хочу, чтобы в тот день ты играл на три хода вперёд, а не отмахивался вслепую.

— Не самый весёлый разговор для вторника. — Улыбка у Рэя не получилась.

— Важные разговоры не спрашивают, вторник сегодня или пятница. — Отец снял его ладью, и Рэй опять не увидел, откуда пришёл удар. — Запомни две вещи. Сядешь в это кресло — люди простят тебе ошибки в деле. А вот ошибок в справедливости не простят никогда. Это первое.

— А второе?

— Никогда не давай злости решать за тебя. — Голос его отяжелел. — Злость полезная штука, она показывает, куда смотреть. Но если ты дашь ей выбирать, как бить, — проиграешь. Не сразу. Но проиграешь, я тебе обещаю.

— Ты к чему это всё?

Отец задержал на нём взгляд и снова опустил глаза на доску.

— Да ни к чему. Просто говорю. Старики любят поговорить.

Просто так Отец не говорил ничего — даже кашлял со смыслом. Но спросить Рэй не успел: в дверь просунулась голова Владимира.

— Кухарка зовёт, — объявил он с притворным ужасом. — И она злая, предупреждаю сразу. Говорит, если вы опять до полуночи просидите, второй раз греть не будет, и будете грызть холодное, как собаки.

Отец рассмеялся, коротко и по-настоящему, и поднялся, бросив партию.

— Договорим ещё. — Он хлопнул Рэя по плечу. — У меня сегодня одна встреча, вернусь поздно. А разговор не забывай. Я редко повторяю дважды.

* * *

Ужин вышел шумным. Владимир рассказывал, как Феликс на тренировке чуть не выбил себе зуб собственным локтем; Феликс краснел и уверял, что не локтем, а коленом, что было ничуть не лучше. Рита поддевала Владимира за то, что он полчаса выбирал рубашку перед встречей с каким-то информатором.

— Он, между прочим, женат, твой информатор.

— А я не для него выбирал, — с достоинством сказал Владимир.

— А для кого?

— Для себя. — Он расправил плечи. — Имею право. Я себе в синей нравлюсь.

Константин ел молча и изредка вставлял по фразе, и каждая оказывалась смешнее, чем казалось сначала. Место Платона пустовало.

— А Платон где? — нахмурился Отец.

— В порту, — сказала Рита. — Ужинает с телефоном. Опять. Я ему тарелку оставила, всё равно остынет.

Отец кивнул и больше не спрашивал. У двери он остановился и обернулся к столу, ко всем сразу: к Владимиру в синей рубашке, к Рите, которая тайком подкладывала Феликсу свою котлету, к Константину над газетой и к Рэю.

— Чего? — спросил Владимир с набитым ртом.

— Да ничего. — Отец снял со спинки стула пальто. — Смотрю вот, сколько вас стало. Когда я начинал, за этим столом нас сидело трое. Двое уже на кладбище.

— Ну ты сегодня прям весёлый, — неловко хохотнул Владимир.

— Я всегда весёлый. Это вы не замечаете.

Он попрощался со всеми и ушёл. Обычная вечерняя отлучка, таких бывало по десятку в месяц, и куда он едет, Отец не сказал. Он никогда не говорил.

Рэй вернулся в кабинет к недоигранной партии и сидел над доской, пытаясь найти ход, на котором проиграл, но мысли всё время сползали к одной фразе: «Меньше, чем ты думаешь». Он крутил её так и этак и не мог понять, что в ней царапает. Отец стареет, все стареют, это просто арифметика, сказал он себе наконец, списал беспокойство на усталость и около одиннадцати ушёл к себе.

* * *

Около полуночи у главных ворот взвыла сирена. Не тревога на случай нападения — та звучала иначе, — а та, которую включали, когда кто-то из своих подлетал к воротам и не успевал назваться.

Рэй слетел по лестнице, ещё толком не проснувшись, и выскочил во двор вместе с Владимиром и тремя бойцами. Машина Отца вильнула у самых ворот, въехала в декоративную ограду клумбы и встала криво, на спущенном колесе. Стекло со стороны пассажира осыпалось, борт был в дырах.

Из водительской двери вывалился человек, которого Рэй узнал не сразу: Дреков, личный охранник Отца, в разодранной рубашке, чёрной от крови. Одной рукой он зажимал бок, другой цеплялся за дверцу.

— По… помогите… — прохрипел он.

Больше он ничего не сказал: колени подогнулись, и он лёг на гравий.

Бойцы бросились к нему, кто-то кричал, чтобы звали врача, но Рэй уже не видел Дрекова. С заднего сиденья, из открытой двери, свешивалась рука — знакомая рука со стальным браслетом часов, который он двенадцать лет каждый день видел на этом запястье.

Нет. Это не его рука. У него другие руки — руки, которые переставляют фигуры. Мысль была очень спокойной, будто думал её кто-то другой.

Он открыл заднюю дверь.

Отец лежал на боку, подогнув ноги, словно прилёг отдохнуть в дороге. Две раны в груди; рубашка пропиталась насквозь и уже подсыхала по краям. Лицо было серым, спокойным и совершенно чужим. Рэй понял всё сразу, но тело не поверило и ещё секунду ждало, что Отец откроет глаза и скажет: «Сядь». Рэй даже наклонился, чтобы расслышать.

Потом он упал на колени рядом с охранником и схватил его за плечи. Под пальцами было мокро.

— Кто?! Дреков, смотри на меня! Смотри сюда! Кто?!

Охранник открыл глаза, губы его зашевелились, складывая что-то — один слог или половину. Короткий вдох, потом ещё один, длинный, а третьего не было. Открытые глаза глядели поверх плеча Рэя в небо.

Рэй стоял на коленях между двумя телами: человеком, который подобрал его в подвальном коридоре, и человеком, который с пулями в боку проехал через полгорода, чтобы привезти его тело домой, а не бросить там, где убили.

Слов не было. В голове крутилось одно, бессмысленное и упрямое: партию не доиграли. Мы не доиграли партию.

— Рэй, — хрипло позвал кто-то.

Владимир стоял рядом, белый, с открытым ртом, и не мог оторвать глаз от заднего сиденья.

— Рэй… это же… — Голос дрогнул и оборвался.

— Да.

— Это не он, — проговорил Владимир растерянно, почти по-детски. — Рэй, это не он. Скажи, что не он.

Рэй не ответил.

Владимир шагнул к машине, остановился, сделал ещё шаг, потом развернулся и один раз ударил кулаком по крыше, так что металл прогнулся. И остался стоять, упёршись в крышу лбом.

* * *

Константин появился через несколько минут: кто-то из бойцов позвонил ему раньше, чем Рэй вспомнил, что у него вообще есть телефон. Константин оглядел машину, Дрекова, Рэя, и лицо у него стало таким, каким Рэй его никогда не видел, — старым. Потом это прошло, и он начал распоряжаться.

— Ни имени, ни описания, ни места, — сказал он позже, когда Дрекова унесли, а Отца переложили на носилки и накрыли простынёй. — Он полгорода проехал, чтобы привезти его домой. Вот и всё, что мы знаем наверняка. Больше ничего.

— Машину, — сказал Рэй чужим ровным голосом. — Пробег. Навигатор. Грязь на колёсах. Всё, что скажет, откуда он ехал.

— Уже.

Константин положил руку ему на плечо — за все годы Рэй не видел, чтобы он хоть кого-нибудь трогал.

— Он был мне ближе, чем я успел ему сказать. — Губы у него дрогнули. — Всё думал: потом скажу, успею. А теперь некому.

К часу ночи дом, где пять часов назад смеялись за ужином, гудел, как разворошённый улей. Один за другим съезжались капитаны, у каждого на лице был вопрос, который никто не решался задать вслух. Виктор Рид, молодой капитан, державший юг, и старый Ясухиро, который в доме и лечил, и отвечал за склады, стояли в углу главного зала и быстро, вполголоса что-то обсуждали. Феликс топтался у стены и не знал, куда деть руки. Рита сидела на нижней

ступеньке лестницы, обхватив колени, и смотрела в одну точку. Когда Рэй проходил мимо, она встала и молча пошла за ним, и он не стал её отсылать.

Платон приехал последним, около двух, мокрый, запыхавшийся. Он замер в дверях, увидел носилки под простынёй и долго не мог оторвать от них глаз.

— Я был в порту, — сказал он, ни к кому не обращаясь. — Я не знал. Я правда не знал.

Константин положил руку и ему на плечо.

Платон подошёл к носилкам, постоял, но простыню поднимать не стал и повернулся к Рэю.

— Куда он ехал? — выговорил он с трудом.

— Не сказал.

— Он никогда не говорил. Я ему сто раз повторял, сто раз… — Он не закончил и потёр лицо мокрой ладонью. — Машина где? Дайте я посмотрю машину.

— В гараже.

Платон кивнул и ушёл, не снимая куртки. С неё капало на паркет, и кухарка потом долго вытирала цепочку следов от дверей до чёрного хода, будто ничего важнее в ту ночь сделать не могла.

Под утро у ворот остановилась патрульная машина. Двое в форме постояли у будки, выслушали от Константина про нападение на трассе, переглянулись и уехали, не попросив показать тело. Полиция в Дрейкпорте умела не видеть того, за что ей не заплатили отдельно, — и того, за что заплатили.

* * *

Капитанов Константин собрал в кабинете Отца. Недоигранная партия всё ещё стояла на столе.

— Отца больше нет, — сказал Константин глухо, без всякого выражения, и смягчать не стал.

В кабинете стало тихо.

— Семья не может стоять без головы даже одну ночь. Вы сами знаете, сколько вокруг желающих. Отец несколько лет готовил к этому своего сына. И не для вида — он брал его туда, куда больше никого не брал. Рэй Гаррет ведёт семью, пока не соберётся совет и не решит окончательно. Кто против — говорите сейчас. Потом будет поздно.

Секунды тянулись. Возражать никто не собирался; просто всё случилось слишком быстро, и ни у кого не нашлось ничего, кроме молчания.

Первым заговорил Рональд Пейн, почти двадцать лет державший финансы семьи и помнивший времена, когда Отец сам ездил собирать долги.

— При всём уважении, Константин. — Он говорил медленно, взвешивая каждое слово. — Рэю двадцать два. Переговоры, улица — это одно. А вести всю семью в войне, когда мы даже не знаем, с кем воюем, — совсем другое. Я в нём не сомневаюсь, поймите правильно. Я спрашиваю: готовы ли мы поставить всё на человека, который ни разу ещё не держал всё в руках?

— Ты прав, Рональд, — сказал Рэй.

Пейн замолчал. Все повернулись к Рэю.

— Я не держал того, что вы держите годами. Это правда. — Рэй не поднимал глаз от доски. — Сегодня вечером, вот за этим столом, Отец сказал мне, что хочет, чтобы я видел на три хода вперёд. Видите партию? Я её проиграл. За пять ходов. И я не знаю, получится ли у меня так, как у него. У каждого из вас опыта больше, чем у меня. Но вести весь дом из вас никто не готовился. Кроме Константина. А Константин этого кресла никогда не хотел — правда, Константин?

Константин молча кивнул.

— Сегодня нужен кто-то, кто будет решать прямо сейчас. Не через неделю. — Рэй поднял глаза на Пейна. — А если через месяц совет скажет, что я не справился, я встану из этого кресла и слова не скажу. Даю слово.

Пейн ещё несколько секунд не сводил с него глаз, потом кивнул — без тепла, но твёрдо.

— Справедливо. Хорошо. Я согласен.

— Он ведёт, — сказал Владимир от окна. Голос был сорван, как после крика. — Рэй. И я буду рядом. Всё, разговор окончен.

Что это значило, понимали все: Владимир был сыном Отца не меньше, чем Рэй, и мог сказать другое, но не сказал. Рэй знал, что никогда ему этого не забудет — и никогда не скажет об этом вслух, потому что вслух это прозвучало бы глупо.

Виктор Рид кивнул, за ним Ясухиро, потом остальные. Верили не все; но неделю споров семья сейчас не пережила бы, и это знали все.

— Хорошо. — Рэй выпрямился. — Тогда слушайте внимательно. Повторять не буду.

Откуда взялся этот голос, он не знал. Голос был Отца, и Рэю стало страшно от того, как легко он нашёлся.

— Мы не знаем, кто это сделал. Дреков ничего не успел сказать. В машине кровь, а кровь, сами знаете, имён не называет. Но мы узнаем. Даже если придётся каждый камень в этом городе перевернуть. Значит, так. Никаких заявлений. Никакой мести первому встречному — этого от нас и ждут. Кто рассчитывал на хаос, тот его не получит. Виктор, на тебе юг, держи плотнее обычного. Ясухиро — дом и склады. Посты удвой. И проверь каждого, кто пришёл к нам за последний месяц. Каждого.

Оба кивнули.

— Владимир.

Владимир отошёл от окна.

— У нас ни места, ни свидетелей, кроме мёртвого. Начинаешь с нуля, Володя. Камеры по маршруту машины. Наёмники, кого брали на разовую работу. И главное — кто знал, куда он сегодня поедет. Кто-то ведь знал. Найди, откуда тянется.

— Кого мне брать?

— Сколько нужно, и ни одного лишнего. Только тех, кому веришь до конца.

Владимир кивнул — один раз, коротко, совсем как Отец, и Рэй впервые увидел, как много сын у него перенял.

— Джонни, Омар, — бросил Владимир, уже шагая к двери. — Вы со мной. Через двадцать минут у машины.

Кабинет пустел. Владимир задержался у двери последним и, когда они остались одни, повернулся уже не бойцом, ждущим приказа, а просто братом.

— Найдём, брат. — Он стиснул кулаки так, что хрустнули костяшки. — Клянусь тебе. И когда найдём, я им даже испугаться не дам. Не успеют.

— Ты просто вернись, — выговорил Рэй.

— Куда я денусь. Обещаю. — Улыбка вышла кривой, на одну сторону лица.

— Со всеми, кого берёшь. Слышишь? Со всеми. — Рэй подошёл и сжал его плечо. — Мне одного раза хватило. На всю жизнь хватило.

Владимир хотел что-то ответить, передумал, кивнул и вышел.

* * *

В третьем часу Рита нашла его на чёрной лестнице, что вела к кухне. Он сидел на ступеньке, упёршись локтями в колени, и разглядывал свои руки: кровь Дрекова засохла под ногтями и в складках ладоней. Надо бы их вымыть, а встать не получалось. Вымоешь — и от этой ночи ничего не останется, кроме простыни на носилках.

Она села не рядом, а ступенькой выше и поставила возле него кружку с кофе — чёрным, без сахара, таким крепким, что он отдавал горелым.

— Пей давай.

— Не хочу.

— А я и не спрашивала, хочешь ли ты.

Он взял кружку, подержал и отпил.

— Платон где?

— В гараже. С людьми Константина машину смотрит. — Рита помолчала. — Он плакал. Над машиной. Отвернулся к стене, думал, никто не видит. А я видела.

Рэй ничего не сказал.

— А ты?

— Что я?

— Ты-то плакал? — Она не отводила глаз.

— Нет.

— Будешь?

— Не сегодня. — Он покачал кружку. — Сегодня надо, чтобы они видели лицо. Понимаешь? Если я сейчас раскисну… они разбегутся. Каждый к своему углу. И нас поодиночке сожрут.

— Да знаю я. — Рита обхватила колени. — Знаешь, что он сказал, когда ты меня привёл? Помнишь? «Она — твоя ответственность. Целиком». Он тебе говорил, а я за дверью стояла и всё слышала.

— Да, — едва слышно сказал он.

— Ну вот. — Она смотрела вниз, в тёмный пролёт. — А теперь, значит, наоборот. Теперь ты — моя ответственность.

— Рита, это так не работает.

— Теперь работает. Отца больше нет. Спорить со мной некому. А тебе я спорить не дам.

Он не нашёлся с ответом. Рита взяла его ладонь, грязную, в чужой крови, и держала, пока кофе в кружке не остыл. Больше ни один из них не сказал ни слова.

* * *

В восемь утра у ворот стояла женщина в сером пальто, накинутом поверх ночной рубашки, и держала за руку мальчика лет шести. Дальше будки её не пускали, но она не кричала и не рвалась — просто стояла под мелким дождём и смотрела на клумбу, где ещё торчала смятая ограда.

Это была жена Дрекова.

Рэй вышел к ней сам. Константин хотел пойти вместо него, но Рэй сказал «нет», и Константин остался у крыльца.

— Мне позвонили, — сказала женщина ровным, мёртвым голосом. — Сказали — несчастный случай. Сказали, приезжайте на опознание. А я приехала сюда. Я не знаю, куда мне ещё ехать.

— Он привёз Отца домой. С двумя пулями. Через весь город.

Женщина кивнула. Мальчик разглядывал Рэя снизу вверх, внимательно и без страха.

— Он что-нибудь сказал? Ну… перед тем как…

Можно было соврать: сказать, что Дреков назвал её имя, просил что-то передать. Люди так делают, и потом всем легче. Скажи ей, что он думал о ней, это ничего тебе не стоит. Но врать этой женщине, стоявшей под дождём в ночной рубашке, Рэй не смог.

— Он сказал: «Помогите».

Лицо женщины не изменилось, только рука, державшая сына, сжалась так, что мальчик ойкнул.

— Да. Это на него похоже. Он никогда ни о чём не просил. Девять лет мы вместе, и ни разу. А тут — помогите.

— Семья вас не оставит. — Рэй сам слышал, как пусто это звучит.

Она подняла глаза на дом за его спиной, на окна, на машину у клумбы.

— А его вы мне вернёте? Его?

— Нет. — Он не отвёл взгляда.

— Тогда мне от вас ничего не надо. Ничего.

Она повернулась и пошла по дороге, ведя мальчика за руку. Через несколько шагов мальчик обернулся, посмотрел на Рэя, на машину и снова зашагал рядом с матерью.

Рэй стоял у ворот, пока они не скрылись за поворотом, а охранник в будке старательно отводил глаза. Мальчик его запомнит. Вырастет и будет помнить человека у ворот, который ничего не смог ему вернуть.

* * *

Днём Константин принёс в кабинет прозрачный пакет на застёжке с вещами, снятыми с Отца: бумажник, ключи, ручка, часы на стальном браслете.

— Я подумал, пусть лучше у тебя будет, чем в морге.

Рэй вынул из пакета часы. Стекло целое, браслет в засохшей крови. Он поднёс их к уху.

Часы шли.

Он долго сидел так и слушал, как они идут, а Константин стоял у двери и не уходил. Потом Рэй положил часы на край доски, рядом с чёрным королём, загнанным в угол.

— Убери ты партию, — сказал Константин.

— Нет.

— Рэй…

— Он её не доиграл, — процедил Рэй.

Константин постоял ещё немного и вышел. За окном темнело, а Рэй сидел неподвижно и слушал, как часы отсчитывают время, которого у Отца больше не было.

Бумажник он открыл только ночью, когда дом затих. Деньги, права, старая фотография: Отец, молодой и худой, у стальной двери арены. И сложенная вчетверо серая квитанция с синим штампом городского архива.

«Приют № 4. Копии личных дел за один год. Оплачено».

Вчерашняя дата.

За двенадцать лет Отец ни разу не заговаривал с ним о приюте.

Рэй долго держал квитанцию в руках. Копий в машине не нашлось — ни в бардачке, ни в багажнике, Константин потом проверил сам. Отец искал его родителей. Хотел сделать подарок. Это было про его, Рэя, прошлое, а не про того, кто стрелял, и Рэй сложил квитанцию по старым сгибам и убрал обратно в бумажник. Потом. Когда найдём.

Глава 5. Свои

Похороны были быстрыми и закрытыми: ни одного лишнего человека за оградой, ни одного слова над могилой, кроме тех, что произнёс незнакомый священник. Речей Отец не любил при жизни, не дали их ему и после смерти. Капитаны стояли полукругом, мокрые и неподвижные. Владимир держал ладонь на крышке гроба, пока его опускали, и убрал её последним, так что двое могильщиков смущённо ждали.

Рэй стоял у изголовья. Первая горсть земли ударила в крышку. Сейчас, здесь он должен был что-то почувствовать — но внутри было пусто и очень тихо, будто всё, что он мог почувствовать, вынули из него ещё у машины, вместе с часами, и забыли вернуть.

Утром он сидел в кабинете над списком всех, у кого могла найтись причина. Составили его ночью вдвоём с Константином, и вышел он короче, чем хотелось бы: почти все очевидные враги семьи либо давно лежали в земле, либо были слишком мелки для такой работы.

— Давай смотреть трезво, — сказал Константин и провёл по листу карандашом. — Тот, кто это сделал, знал, куда Отец поедет. Знал, что охраны с ним будет мало. И ушёл чисто, ничего не оставил. Это не какая-нибудь банда с обидой, Рэй. Это деньги, дисциплина и кто-то, кто сидит рядом с нами. Или очень близко.

— Значит, течёт у нас.

Константин кивнул.

— Кто знал, куда он едет?

— В том-то и беда, что никто. — Константин снял очки и потёр глаза. — Он никому не говорил, ты же его знаешь. Значит, либо кто-то изучил его привычки лучше, чем мы с тобой, либо он всё-таки сказал. Одному. Тому, кому доверял.

— Тебе? — Рэй поднял на него тяжёлый взгляд.

— Нет.

— Я не потому спрашиваю, что…

— Я знаю, почему ты спрашиваешь, — мягко перебил Константин и надел очки. — И правильно делаешь. Так и надо. Нет. Мне он не сказал. К сожалению.

Он обвёл два пункта в начале листа.

— Русские и Моретти. Причины были и у тех, и у других. Люди есть у обоих. И купить кого-то у нас могли и те, и другие.

Русские стояли первыми не потому, что Рэй всерьёз подозревал Ярослава: очевидное надо закрыть, прежде чем строить сложное. Соглашение подписали меньше месяца назад, и держался Ярослав как человек, довольный сделкой, — но Рэй четыре года видел, как легко этот человек прячет одно лицо за другим. Если это он, значит, Рэй ничего не понимает в людях. И тогда ему вообще нечего делать в этом кресле.

* * *

— Съезди к ним, — сказал он Платону в то же утро. — Только аккуратно. Без обвинений. Просто поговори и посмотри, как он отвечает.

Платон стоял у стола, скрестив руки на груди, и разглядывал доску с недоигранной партией, которую так и не убрали; часы Отца лежали рядом с чёрным королём.

— Он не признается. Даже если виноват.

— Конечно, не признается. Но по тому, как человек не признаётся, видно больше, чем по словам. А ты это видишь лучше всех нас. Поэтому и едешь ты.

Платон перевёл взгляд с доски на Рэя — прямо и долго, как всегда, будто пытался разглядеть, что там на самом деле, за лицом.

— Ты как?

Вопрос застал Рэя врасплох. За три дня никто не спросил его вот так — без предисловий и без расчёта на дежурное «нормально».

— Буду нормально. Когда найдём.

— А пока не нашли?

— А пока никак, — честно сказал Рэй.

Платон кивнул.

— Тогда я постараюсь побыстрее.

Ушёл он, как всегда, бесшумно. Платон умел выйти из комнаты, не оставив ни звука, ни запаха, ни тени, и Рэй порой спохватывался, что не заметил, когда его не стало.

В доме он появился, когда Рэю было тринадцать, и привёл его сам Рэй. Его отправили тогда с поручением на рынок у вокзала, и за мусорными контейнерами трое парней постарше били тощего пацана. Тот не дрался и не плакал — лежал, закрыв голову руками, и ждал, когда им надоест. Рэй разогнал троих за минуту, ему уже было чем. Пацан поднялся, вытер кровь из-под носа и так долго на него глазел, что Рэю стало неловко.

— Чего уставился?

— Ничего. — Пацан шмыгнул разбитым носом. — Спасибо… тебе.

Он назвался Платоном и сказал, что жил у тётки за рекой, пока та не спилась и не выставила его. Больше он о себе никогда ничего не рассказывал, а Рэй не спрашивал: в доме Отца не спрашивали, кем ты был раньше. Отец оглядел Платона, потом Рэя и сказал: «Твой. Отвечаешь». Это было первое, за что Рэй вообще отвечал.

С тех пор прошло девять лет. Платон был рядом почти столько же, сколько Владимир, только тише. Там, где Владимир хлопал по плечу и подначивал, Платон просто оказывался рядом в ту секунду, когда был нужен, и ничего не просил. За девять лет это молчаливое присутствие стало для Рэя такой же опорой, как шумная преданность брата.

* * *

Прямой выход на Ярослава был только у Рэя, а раньше у Отца — Владимир ездил к нему лишь вместе с Отцом, — поэтому имя Рэя пришлось пустить в ход как пропуск. Ярослав согласился встретиться вечером и почти час продержал Платона в задней комнате ресторана, который русские держали для таких разговоров. Весь этот час Платон просидел неподвижно и не притронулся к поставленному перед ним кофе.

Ярослав явился в той же манере, что и на переговорах, ленивой и расслабленной, и уселся напротив, словно собирался перекинуться в карты со старыми приятелями.

— Посыльный, — разочарованно протянул он. — Не сам Рэй Гаррет, а посыльный. Мне бы обидеться, по-хорошему, но сегодня совершенно некогда. Записал себе на четверг. В четверг обижусь.

— У меня вопросы. Про позавчерашнюю ночь.

— Об убийстве вашего Отца.

Сказано это было так резко, что Платон едва не сбился. Ленца исчезла мгновенно; остались прямая спина, неподвижные руки на столе и светлые глаза, в которых не было ничего смешного.

— Спрашивайте прямо. Обходные пути ещё никого никуда быстрее не приводили.

— Ваши люди в этом замешаны? — Платон не сводил с него глаз.

— Нет. — Без паузы. — И не только потому, что у меня хватило бы совести не убивать партнёра через три недели после хорошей сделки. Хотя и одного этого хватило бы. Нам просто незачем — причал нас устраивает целиком. Человека, с которым ты только что подписал бумагу, убивают либо отчаявшиеся дураки, либо те, кому надо, чтобы подумали на тебя. Надеюсь, второй вариант вы тоже держите в голове. Очень надеюсь.

— Да.

— Вот и хорошо. — Ярослав откинулся на спинку, и в лице у него на секунду мелькнула усталость, настоящая, не сыгранная. — Потому что если кто-то подставляет нас под ваш гнев, значит, ему есть за что бояться и меня. А таких людей я нахожу куда быстрее, чем вы думаете.

Платон помолчал.

— Отец и Владимир были у вас в тот день. Днём. Зачем приезжали?

Бровь у Ярослава чуть поднялась: кажется, он и правда удивился, что об этом уже знают.

— Цифры не сошлись за первую неделю. Расхождение по таможне. Отец приехал сам — хотел убедиться, что мы не мухлюем нарочно. Мы всё сверили и разошлись довольные. — Он чуть улыбнулся куда-то мимо Платона. — А потом он сыграл со мной партию. Блиц, пять минут. Я проиграл и сделал вид, что мне всё равно. А он посмотрел на меня и говорит: «Лицо у тебя плохое, Ярослав. Я приеду, дам тебе отыграться». Я ждал. Честно ждал.

— Вы могли всё это придумать.

— Мог, — легко согласился Ярослав, и улыбки больше не было. — Но вот что передайте Рэю. Слово в слово. Если я что-нибудь узнаю — слух, полнамёка, — я скажу ему первым. Раньше, чем кому-либо в этом городе. И не из доброты, не обольщайтесь. Убийство нашего партнёра — это прецедент. Оно развязывает руки всем, кому захочется проделать то же самое с кем угодно. Мне это так же невыгодно, как вам больно.

Платон кивнул и поднялся. Ярослав остался сидеть и щурился на него снизу вверх.

— Вы всегда так смотрите людям на руки?

— Как? — Платон едва заметно подобрался.

— Как будто пальцы пересчитываете. Я ещё когда вы сели, заметил. — Ярослав улыбнулся. — У меня все на месте, если что. Десять штук. Можете не волноваться.

— Привычка.

— Хорошая привычка. Полезная. — Он поднял чашку с давно остывшим кофе. — И передайте Рэю, что мне жаль. Это единственное, что я сегодня говорю без всякого второго дна.

* * *

Платон доложил в тот же вечер, слово в слово, вместе с партией в блиц.

Рэй слушал и думал не о Ярославе, а об Отце, который в свой последний день играл с кем-то в шахматы и выиграл. Хоть одну партию в тот день он довёл до конца.

— Ну и что, веришь ему? — спросил Рэй наконец.

— Я его не знаю так, как ты. — Платон пожал плечами, не отрываясь от окна. — Но врёт он не как виноватые. Слишком быстро отвечает. Виноватые всегда чуть-чуть задерживаются — слова подбирают поаккуратнее.

— Или очень хорошо врёт.

Спорить Платон не стал.

Русских Рэй вычеркнул, но не до конца — карандашом, чтобы можно было стереть.

* * *

Пока Платон говорил с Ярославом, Владимир взялся за вторую половину списка, где дипломатии требовалось меньше. Речь шла о Моретти: два года назад клан пытался прибрать к рукам подпольную арену Отца, получил ясный и болезненный отказ, и с тех пор было тихо.

— Два года, это ж долго для мести, — сказал Джонни, ведя машину к промышленной окраине.

— Да в самый раз. — Владимир проверял магазин; руки работали сами, глаза следили за серыми складами за окном. — Как раз чтобы людей накопить и подождать момента. А момент сейчас — лучше не придумаешь. Нас трясёт.

— Никого не трясёт, — проворчал с заднего сиденья Омар. — Мы просто третьи сутки не спим.

— Ну так это одно и то же.

Встретили их у Моретти без враждебности. Обычный склад на окраине, переделанный не то в гараж, не то в контору; двое у входа узнали машину Владимира ещё издали и не сделали ни одного резкого движения. Сам Моретти, старик с мягкими руками и тяжёлыми веками, принял их так, будто ждал, и предложил кофе. Отказываться не стали, но пить никто не торопился.

— Слышал, слышал, — сказал старик, усаживаясь напротив. — Соболезную вам. Искренне, что бы вы там обо мне ни думали. Мы с вашим Отцом цапались из-за арены, было дело, не отпираюсь. Хорошее было время, азартное. Тогда ещё казалось, что победитель остаётся жив. — Он развёл руками. — Но спорить из-за дела и убивать — это, молодой человек, разные вещи. А я слишком стар для войны, которую не переживу, даже если выиграю.

— Расскажите про арену.

Подробности Владимиру были ни к чему; ему нужно было лицо старика в ту минуту, когда тот вспоминает старую обиду.

— Да что там рассказывать. — Моретти тяжело вздохнул. — Хотел купить его долю. Хорошие деньги предлагал, между прочим. Он отказал — вежливо, без угроз. Сказал: «То, что построил своими руками, я не продаю». Я ещё пару месяцев давил, потом понял, что уговорами ничего не возьму, а на силу у меня нет ни людей, ни желания. Отступил. — Он пожал плечами. — Два года назад это было, молодой человек. У меня обиды столько не живут. Мне, знаете, некогда.

— Где вы были позавчера с девяти до полуночи?

— Здесь, — добродушно усмехнулся Моретти. — При двух дюжинах свидетелей. У племянницы помолвка была. Список дам, проверяйте сколько угодно. С женихом можете поговорить: бедный мальчик до сих пор заикается, ради меня соврать не сумеет, даже если очень захочет.

Проговорили ещё полчаса — о людях вокруг клана, о новых лицах, об оружии и наёмниках, обо всём, что ходило по улицам последний месяц. Старик отвечал подробно, порой даже слишком, а так не отвечают те, кому есть что прятать: эти обычно говорят коротко, чтобы не запутаться.

Уже у двери Моретти придержал Владимира за рукав. Охрана старика напряглась, Джонни сунул руку под куртку, но Моретти и бровью не повёл.

— Скажу вам одну вещь, молодой человек. Бесплатно, по-стариковски. — Он говорил тихо, глядя Владимиру в лицо. — Арена — это не бизнес. Это болезнь. Кто туда хоть раз спустился, тот там и остался. Я двадцать лет смотрел, как туда ходят не за деньгами. Посмотрите, кто из ваших ходит туда без дела. Кто сидит на трибуне, когда и ставок-то нет. Вот такие знают больше, чем говорят.

— Вы на кого-то конкретно намекаете?

— Я старик. — Моретти грустно улыбнулся. — Ни на кого я не намекаю. Просто долго живу. — Он отпустил рукав. — Передайте Рэю, что мне очень жаль. Его Отец был единственным человеком в этом городе, который ни разу меня не обманул. Даже когда отказывал.

— Не он это, — сказал Владимир у машины.

— Уверен? — спросил Омар.

— Виноватые так не разговаривают. Сам свидетелей дал, сам проверять предложил. Нет.

— Значит, опять пусто, — с досадой выдохнул Джонни.

— Список стал короче, тоже хлеб. — Владимир сел за руль вместо Джонни и долго не сводил глаз с маленького серого склада в зеркале. — Только время уходит.

— А кофе у него хороший, — сказал Омар. — Я выпил.

Джонни обернулся так резко, что Владимир от неожиданности дёрнул руль, и машина вильнула.

— Ты что, с ума сошёл?!

— А что такого? — Омар невозмутимо пожал плечами. — Захотел бы отравить — не стал бы хороший кофе переводить. Сварил бы бурду.

— Омар, это не логика.

— Это опыт, сынок. — Омар ухмыльнулся и откинулся на спинку. — Я тридцать лет пью кофе у людей, которые меня ненавидят. И, как видишь, живой.

Джонни хотел огрызнуться, но поймал в зеркале лицо Владимира и промолчал. Обратно ехали молча.

* * *

Оба доклада легли на стол к Рэю поздно вечером, и Константин вычёркивал пункты один за другим.

— Значит, ни те, ни другие, — сказал Рэй. — Или оба врут так хорошо, что мы проглотили.

— Моретти не врал, — сказал Владимир. — Такое не сыграешь, когда у тебя в доме трое со стволами сидят.

— Ярослав тоже не похож на того, кому есть что прятать, — сказал Платон. — Хотя за него я бы так, как за старика, не поручился. Он слишком хорошо держит лицо. Это может значить, что ему нечего прятать. А может — что прячет он очень хорошо.

Когда Владимир ушёл обсудить с Ясухиро ночные посты, Платон задержался — не по делу, а просто чтобы Рэй не остался один в комнате, где только что было много людей.

— А помнишь, как в первый год Отец нас на каждой тренировке друг против друга ставил? — В голосе у него прорезалось тепло. — Потому что мы одного роста были.

— Помню. Ты всё время поддавался. — Рэй позволил себе что-то похожее на улыбку. — А я-то думал, что я хорош. Потом Владимир мне глаза открыл.

— Не поддавался. — Платон сказал это сухо, как говорил всё. — Я просто считал на два хода дальше тебя. А ты был слишком нетерпеливый, чтобы заметить.

— И зачем тогда?

— Ты о чём?

— Ну, если ты считал дальше, почему проигрывал-то?

Платон ответил не сразу.

— Мне было интересно, заметишь ты когда-нибудь или нет. Ты не заметил.

Он отвернулся к окну.

— Мы его найдём, Рэй. Я не умею красиво говорить, как Владимир. Но я никуда не денусь, пока не найдём.

— Знаю.

Ни объятий, ни клятв. Платон ушёл, и Рэй даже не услышал, как закрылась дверь. «Мне было интересно, заметишь ли ты» — он ещё долго крутил эти слова и не мог понять, почему от них так неуютно, будто в комнате открыли окно.

Он потёр переносицу и снял трубку внутреннего телефона.

— Константин. Подними архивы. За пять лет. Все конфликты, все обиды — даже те, что казались закрытыми. Кто-то в этом городе достаточно умён и терпелив, чтобы ждать. А мы даже не смотрим в его сторону.

— Это очень много бумаги, Рэй, — вздохнул Константин.

— Я знаю.

— Ладно. — В трубке раздался невесёлый смешок. — Я люблю бумагу. Она хотя бы не умеет делать вид, что ей жаль.

* * *

Около полуночи Рэй спустился в зал. Свет горел только над одним мешком, и Владимир бил его без перчаток, голыми разбитыми костяшками. Мешок отвечал глухо и тяжело, словно внутри был не песок.

Рэй сел на скамейку и ждал. Владимир бил ещё минуты три, потом обхватил мешок обеими руками, уткнулся в него лбом и замер.

— Ты чего не спишь? — сказал он, не оборачиваясь.

— А ты чего?

— А я сплю, — горько усмехнулся Владимир. — Вот так и сплю. Удобно, кстати.

Он отпустил мешок и сел на мат. С костяшек капало.

— Можно спрошу кое-что?

— Давай.

— Когда он решил? — Владимир разглядывал свои руки. — Ну, что ты. Что кресло — тебе.

— Не знаю.

Владимир усмехнулся.

— А я знаю. Он мне рассказывал. В первый же вечер, как тебя принесли. Пришёл ко мне в комнату, сел на кровать и говорит: «Представляешь, пацан с ножом. Еле на ногах стоит. Я его спрашиваю, как зовут, а он мне — какая тебе разница». И смеётся. Я его таким вообще никогда не видел. Вот тогда я и понял.

Рэй ждал.

— Что я буду вторым. — Сказал он это спокойно, без обиды. — Мне одиннадцать было. Полночи злился, в подушку рычал. А потом подумал: ну и ладно. Зато брат будет. У меня ж до этого никого не было, только он. А он — это не то. Он отец, с ним не поболтаешь.

Рэю хотелось сказать, что он этого кресла никогда не просил, что отдал бы его прямо сейчас, лишь бы Отец вернулся и снова сел за доску. Но Владимир и так это знал, а вслух прозвучало бы как оправдание.

— Ты не думай, я не к тому, — сказал Владимир. — Я не в обиде. Ты правда лучше. Ты видишь то, чего я не вижу. Я просто хотел, чтобы ты знал: я это с самого начала понял. И всё равно.

— И что?

— И остался. — Владимир поднялся, взял со скамейки полотенце и замотал руку. — Всё, иди спать. Завтра опять ничего не найдём, так хоть свежими не найдём.

— Ты мне весь мат кровью залил, — с напускной строгостью сказал Рэй.

— Хиро бы меня убил. — Владимир впервые за три дня улыбнулся по-настоящему. — Хорошо, что Хиро на пенсии.

* * *

Рита пришла, когда все разошлись, и без приглашения села в кресло напротив.

— В этом доме вообще есть что-нибудь, кроме кофе? Ты им третий день питаешься, я считала.

— Не хочется мне.

— А мне не хочется, чтобы ты упал. Надо.

Она забрала у него список и пробежала глазами вычеркнутые строки.

— Двоих за день вычеркнули. Быстро. — Она помолчала. — Только мёртвым от этого не теплее.

— Мало это.

— Мало, — тихо согласилась она. — Список короче, а ответа нет. Хочешь, скажу, что я думаю? Только не перебивай.

— Говори.

— Я думаю, ты ищешь не там. Снаружи. А он знал, куда ехал Отец. — Рита сложила лист пополам. — Снаружи такого не знают, Рэй.

Рэй поднял на неё глаза.

— Ты хоть понимаешь, что говоришь?

— Поэтому и говорю только тебе. — Она встала, сунула список в карман и пошла к двери. — Список получишь утром. Если поспишь хотя бы четыре часа. А не поспишь — вообще не получишь, буду сама читать.

— Рита.

Она обернулась.

— Кому ты ещё это говорила?

— Никому, — сказала она с лёгкой обидой. — Я что, дура, по-твоему?

Дверь закрылась. Снаружи такого не знают. Мысль ушла внутрь холодом, как глоток ледяной воды, и додумывать её Рэй не хотел. Он сидел перед пустым креслом, а часы Отца на краю доски отсчитывали секунды так громко, что в конце концов он накрыл их ладонью.

Глава 6. Восемь светофоров

— Опять я за рулём. Опять! — Джонни хлопнул ладонью по баранке и вывернул к промышленной окраине. — Платон, ты в прошлый раз обещал сменить. Я помню. Я всё помню.

— Я сказал, что подумаю, — отозвался Платон с заднего сиденья, не отрываясь от карты в телефоне. — Это не одно и то же. Я подумал.

— Вот поэтому у тебя и нет друзей, понял?

— Почему нет. У меня есть ты.

— Я тебе не друг. Я водитель. Бесплатный.

Омар сидел впереди и вслух считал светофоры, которые они проскакивали на жёлтый. Дурацкая дорожная игра, но она помогала не думать о том, что третий день они мотаются по городу туда, откуда, по расчётам Рэя, могла потянуться хоть какая-то ниточка к людям Моретти — к тем, о ком старик знал больше, чем сказал.

— Восемь, — объявил Омар на очередном перекрёстке. — Рекорд у меня, между прочим, двенадцать. Если кому интересно.

— Никому не интересно, — буркнул Владимир.

Он сидел сзади рядом с Платоном и всю дорогу молчал, быстро и сосредоточенно что-то печатая. В зеркале Омар видел, как он закончил, задумался над экраном и стёр всё одним долгим нажатием. Потом сунул телефон в карман и поднял голову.

— Платон. Что у тебя есть по Моретти?

— Двое из ближнего круга старика вечерами сидят в баре на границе. — Платон наконец убрал телефон. — В том самом, где раньше его бойцы собирались, когда с Отцом из-за арены воевали. Один из них, говорят, до сих пор держит связь с людьми, которых старик вроде как отпустил. Если кто-то из окружения Моретти работал за его спиной — начинать надо оттуда.

— Значит, бар. Если пусто — едем к старику. Поговорим с ним ещё раз. Уже без кофе.

— Старик расстроится, — с притворной печалью вздохнул Омар. — Он так старался с кофе.

— Переживёт как-нибудь.

Машина свернула с освещённой дороги в промышленный квартал: облезлые склады, лужи с радужной плёнкой, запах мазута, от которого не спасали даже закрытые окна. Бар стоял на углу. Окна были тёмными, жалюзи опущены, хотя время для закрытия было не позднее.

Вышли. Омар оглядел тёмную вывеску, потом пустую улицу.

— Не нравится мне это, — тихо сказал Платон. Он держался чуть позади, и ладонь его легла на кобуру под курткой. — Совсем не нравится.

— Может, у них выходной, — сказал Омар, сам в это не веря.

Владимир подёргал ручку — заперто, — огляделся и двинулся вдоль стены туда, где полагалось быть служебному входу. Остальные растянулись за ним цепочкой вдоль кирпича, как учили: дистанция два шага, глаза в разные стороны. Первым Владимир, за ним Джонни, Омар третьим, Платон замыкающим, в двух шагах у него за спиной.

Выстрела Омар не услышал — почувствовал рывок: Платон сзади сгрёб его за ворот и потащил вниз, к асфальту. Омар ещё падал и не понимал зачем, а звук ударил только потом, и в кирпич над ними, туда, где только что была голова Платона, вошла пуля, брызнув крошкой.

— Засада! Ложись! — Владимир откатился за угол, выдёргивая пистолет. — Крыша и слева! Четверо, не меньше!

Дальше Омар помнил кусками. Вспышки на крыше напротив. Короткие злые выстрелы Владимира — прицельно, по два, отсекая. Джонни, рванувший к мусорным бакам, единственному укрытию на этой стороне. Джонни не добежал. Пуля догнала его на середине броска, и он

рухнул лицом вниз, как падает мешок с грузовика, — не выставив рук, даже не попытавшись смягчить удар. И больше не шевельнулся.

Омар закричал что-то, чего потом не мог вспомнить, и потянул Платона за рукав в узкий проход между складами: другого укрытия не было.

— Их слишком много, слышите? — Владимир оказался рядом, перезаряжая на ходу; лицо мокрое и белое. — Это не люди Моретти. Слишком чисто кладут. Это профи. Уходим дворами, к машине нам не прорваться!

Очередь прошла по стене в ладони от головы Платона. Тот пригнулся и, не целясь, выстрелил куда-то в сторону крыши. Слева коротко вскрикнули — чужим голосом.

— Одного достал. — Владимир оскалился, вжимаясь в ящики. — Мало. Но приятно, сволочи.

Они побежали, петляя между складскими корпусами в темноте, на ощупь, на одном чутье, и на повороте их снова достали. Плечо Омару словно с размаху ткнули ломом. Он не остановился: остановиться значило лечь, а лечь — остаться.

Платон споткнулся, качнулся, схватился за бок.

— Владимир! Володя!

Омар обернулся. Владимира не было. Был тёмный проход между складами, где стреляли, куча поддонов — и никого. Свернул он в другой коридор или остался прикрывать, Омар не знал. Он не видел, когда тот отстал.

— Не стой! Не стой, говорю! — Он ухватил Платона здоровой рукой и поволок дальше.

Плечо горело, мокрый рукав прилип к коже, в голове шумело, как будто рядом работал двигатель. Сзади ещё стреляли, потом тише, а потом Омар уже не мог разобрать, выстрелы это или стук у него в ушах.

Машину они нашли кварталом дальше, у заправки — чужую, незапертую, с ключом в замке, словно её оставили нарочно. Омар помнил, как сел за руль и не мог повернуть ключ, пока Платон рядом зажимал бок и сквозь пальцы у него текло тёмное. Помнил первый поворот и голос Платона — кажется, «держись», а может, «налево». Потом руль отяжелел, и дорога поплыла.

Дальше не было ничего.

* * *

Рита не спала. Она стояла у окна в холле с той минуты, как Владимир впервые за все эти дни не ответил на проверочный звонок. Она звонила ему каждые два часа, и он всегда брал на втором гудке: «Живой, отстань». В половине одиннадцатого он не взял. В одиннадцать тоже. Рита набрала Джонни, потом Платона — молчали оба.

В половине первого из темноты вылетела машина и снесла кусок декоративной ограды у ворот — ту самую, которую только неделю назад поправили после машины Дрекова. Взвыла сирена, поднимая дом.

Рита оказалась у машины раньше охраны.

За рулём, выпрямившись и вцепившись в баранку обеими руками, сидел Платон и смотрел прямо перед собой. Бок рубашки у него был чёрный. Рядом, привалившись головой к стеклу, сидел Омар, без сознания, серый, с плечом, перетянутым ремнём от сумки.

— Омара в дом, быстро. Плечо давите, сильно давите, не бойтесь вы. — Голос у неё не дрогнул, и бойцы послушались сразу. — Платона беру я. Ясухиро сюда, бегом! Бегом, я сказала!

— А Владимир где? — спросил кто-то у неё за спиной.

Платон повернул голову и посмотрел на Риту, будто не узнавая.

— Не знаю. Я… не знаю.

И отпустил руль.

* * *

Следующие два дня дом жил одним долгим, изматывающим ожиданием. Омар выкарабкался: потерял много крови, но пуля прошла через мышцу и ничего важного не задела. Платон дольше висел на краю — пуля в боку прошла слишком близко к печени, и первые сутки Ясухиро не обещал ничего, кроме того, что сделал всё, что мог.

Рита сидела у его кровати, меняла повязки, мерила температуру, по капле вливала воду, когда он не мог глотать сам.

Рэй почти не спал. Он ходил между этой комнатой и кабинетом, где Константин разбирал единственное, что у них было: тело Джонни и отсутствие тела Владимира.

Он велел ему вернуться со всеми. Владимир обещал. Владимир никогда не нарушал обещаний. Значит, жив. Значит, сидит сейчас где-нибудь и злится, что не может позвонить. Рэй повторял это себе, как молитву, которой не знал, и с каждым разом верил чуть меньше.

К исходу первых суток он нашёл Риту в коридоре у двери Платона: сиделка сменила её на десять минут, и она стояла, прислонившись к стене, с закрытыми глазами.

— Иди поспи хоть немного.

— Не пойду.

— Ты на ногах дольше меня, Рита.

— Если я засну, а он умрёт, пока я сплю, я себе этого не прощу. — Глаз она так и не открыла. — Не потому что я что-то изменю. Просто не хочу, чтобы он был один. Если до этого дойдёт.

— Он справится. Он упрямый.

— Ты не знаешь. — Теперь она посмотрела на него. — Я видела рану, Рэй. Ясухиро ничего не обещает, а он для утешения никогда не врёт. Вот и ты не ври. Пожалуйста.

— Хорошо. Не буду.

Он прислонился к стене рядом, и они долго молчали. За дверью сиделка что-то переставляла на столике.

— Он тебе ведь тоже как брат, да? — спросила Рита. — Не так громко, как Владимир. Но так же.

— Да.

— А я его раньше не понимала. — Она не сводила глаз с двери. — Шесть лет рядом живём, а я не знаю, что он любит. Что он ест, когда никто не видит. Есть у него кто-нибудь или нет. Он про всех всё знает. А про него — никто ничего.

— Он всегда такой был.

— Вот я сижу, смотрю на него и думаю: а если он умрёт, мне про него и вспомнить нечего. Ни одной истории, понимаешь? Только как он стоит у стены и всё видит.

Рэй не ответил. Он вдруг понял, что и сам не вспомнит ни одной истории — только Платона у стены, который всё видит. Сиделка открыла дверь, и Рита ушла внутрь, не оглянувшись.

* * *

— Джонни мы нашли, — сказал Константин на вторые сутки. Вошёл он с лицом человека, который несёт новость и сам не знает, как её понимать. — Там же, где он упал. Больше никого. Ни тела Владимира, ни крови столько, чтобы думать, что его там убили. Мы весь квартал прошли. Подвалы, мусорные баки, всё. Ничего.

— Значит, забрали его. — Внутри снова поднималось то же, что в ночь, когда он открыл заднюю дверь машины. — Живого или мёртвого — но забрали.

— Или он ушёл сам.

Константин сказал это тихо, и по тому, как он подбирал слова, было видно, чего ему стоила эта мысль.

— Я ничего не утверждаю, Рэй. — Он тяжело вздохнул. — Но факт есть факт. Нет на месте одного-единственного человека. Того, кто вёл группу. Кто заранее знал маршрут.

— Не смей. — Рэй вскочил так резко, что кресло отъехало к стене. — Слышишь? Не смей. Он мой брат. Он не сбежал. И никого он не продавал.

— Я его не обвиняю. — Константин не отступил ни на шаг: двадцать лет он выдерживал такой же взгляд у Отца. — Я говорю тебе то, что завтра скажут капитаны. Подробности до них дойдут, такое в тайне не держится. И лучше ты услышишь это от меня сейчас, чем от кого-нибудь на совете, когда будешь не готов.

Константин был прав, и Рэй ненавидел эту правоту так, что сводило челюсть. Ударь он сейчас — ударил бы единственного человека, который говорит ему правду. А правда не виновата, что она такая.

Остановить слух не успели: он разошёлся по дому за ночь, и утром без предупреждения явился Рональд Пейн с тем же тяжёлым, взвешенным лицом, что и в ночь смерти Отца.

— Мне не нравится, о чём говорят в коридорах, Рэй. Люди задают вопросы, а ответов у тебя пока нет. Тела второго сына нет. Я никого не обвиняю, ты пойми. Но молчание сейчас бьёт по семье сильнее любого слуха.

— И что ты предлагаешь?

— Собери капитанов. Скажи прямо: ищем Владимира, живого или мёртвого, и ни одной версии не исключаем. Люди простят тебе, что ты не знаешь. Но не простят, если решат, что ты от них что-то прячешь.

Рэю хотелось ответить резко, но он признал: Пейн, как и тогда, говорит не из злобы.

— Сегодня вечером соберу. Скажу, что знаю. И чего не знаю — тоже скажу.

— Вот это разумно. — Пейн кивнул и вышел.

* * *

Платон открыл глаза на третий день к вечеру. Рита первой услышала, как изменилось его дыхание, и позвала Рэя раньше, чем сама поверила.

— Владимир, — было первое, что он выговорил, сипло, еле слышно; взгляд никак не мог поймать лицо Рэя. — Где Владимир? Он вышел?

— Мы думали, это ты нам скажешь. — Рэй сел на край кровати. — Что ты помнишь? Всё, что можешь.

Платон закрыл глаза.

— Крыша… и слева. Профессионалы. Не люди Моретти, слишком чисто. Джонни сразу упал. Владимир крикнул — дворами уходим. Прикрывал нас. — Он нахмурился, вытаскивая следующий кусок. — Потом меня задело. А дальше я его рядом уже не видел. Не знаю, свернул он или прикрывал дольше, чем надо было. Я его позвал. Один раз. Он не ответил. Больше я никого не видел, кроме Омара. Пока мы из квартала не выбрались.

— На месте нашли только Джонни, — тихо сказал Рэй. — Ни Владимира, ни его крови. Ничего.

Платон открыл глаза, ещё мутные от слабости, и Рэй увидел: он понял, что это значит в устах людей вроде Константина.

— Они думают, что он сбежал. Или продал.

— Некоторые думают. Я — нет. И пока нет доказательств, я этой версии прижиться не дам. Пусть болтают. Я каждого запомню.

— Он не предатель.

Сказано это было с неожиданной для его состояния силой. Платон попытался приподняться на подушках, поморщился и лёг обратно.

— Он нас прикрывал, Рэй. Я слышал, как он стреляет. До самого конца, пока наши шаги не заглушили. Тот, кто собрался сбежать, не тратит патроны на тех, кого бросает.

Рита стояла у тумбочки и наливала воду в стакан. На этих словах струя на секунду прервалась, потом полилась снова. Рэй этого не заметил: в груди у него разжимался кулак, сжатый трое суток. Прикрывал до конца. Он знал. Он знал, что Владимир прикрывал.

— Отдыхай. — Голос у него впервые за эти дни потеплел. — Ты за ту ночь заплатил больше, чем я смогу тебе вернуть. Вечером совет. Твои слова про выстрелы — единственное, что у меня есть против Пейна. Я ими воспользуюсь, ладно?

— Скажи им, что я подтвержу, — горячо прошептал Платон. — Сам. Как только встану, сам приду и скажу. — Он снова закрыл глаза, и пальцы на одеяле сжались. — Владимир своих не бросает. Я это знаю, как своё имя.

Рэй ушёл, а Рита осталась. Она поставила стакан на тумбочку, села на стул у кровати и долго разглядывала спокойное, бледное, мокрое от пота лицо.

— Пить хочешь?

— Потом, — пробормотал Платон, не открывая глаз.

Рита кивнула и больше не спрашивала.

* * *

В коридоре Рэй задержался у окна. Во дворе всё ещё валялись обломки ограды, которые так и не убрали. Две аварии за неделю на одном и том же месте, и оба раза за рулём сидел человек, который довёз домой то, что смог: Дреков — Отца, Платон — себя и Омара.

Рэй постоял ещё минуту над этими обломками и толкнул дверь кабинета: надо было обзвонить капитанов.

* * *

Собрались в девять — двенадцать человек вокруг длинного стола, за которым ещё десять дней назад сидел Отец. В его кресло Рэй не сел. Он стоял спиной к окну и говорил, обводя глазами каждого по очереди.

— Джонни мёртв. Нашли его там, где он упал. Омар и Платон ранены, но живы. Владимира нет. Ни тела, ни крови, ни следов. Вот всё, что я знаю. Больше у меня ничего нет.

— А чего ты не знаешь? — спросил Виктор Рид без вызова, устало потирая переносицу.

— Жив ли он. Где он. Кто это сделал. И почему его забрали, а Джонни бросили.

— Или почему он сам ушёл, — негромко сказал кто-то с дальнего конца стола. Рэй не сразу понял, что это Маркус, капитан северного склада, грузный, с вечной зубочисткой.

Стало очень тихо.

— Повтори, — сказал Рэй, и от его голоса похолодело. — Ну? Повтори.

Маркус вынул изо рта зубочистку и повертел её в пальцах.

— Я ничего не утверждаю, Рэй. — Он упрямо выпятил челюсть. — Я говорю то, о чём все думают, да вслух сказать боятся. Он вёл группу. Он выбрал маршрут. И его нет. Это не я придумал, это арифметика.

— Маршрут выбирал не он.

— А кто тогда?

Рэй открыл рот и осёкся. Он не знал. Он даже не спросил. Три дня он ходил между кабинетом и кроватью Платона и ни разу не спросил, откуда вообще взялся этот бар.

— Неважно, — отрезал он, злясь на себя всё сильнее. — Платон сегодня очнулся. Он слышал, как Владимир стрелял. До самого конца, пока слышно было. Прикрывал их отход. А тот, кто бежит, не прикрывает, Маркус.

— Платон был ранен, — спокойно, без нажима заметил Пейн. — Ранен, и бежал. Я в его словах не сомневаюсь, Рэй. Я сомневаюсь, что человек с пулей в боку разберёт, кто именно стреляет у него за спиной.

— Он сам подтвердит. Как только встанет.

— Вот пусть и подтвердит. — Пейн примирительно кивнул. — Это будет весить.

Рэй обвёл взглядом двенадцать лиц. Большинство он знал с детства: эти люди учили его держать нож, пить не пьянея и сажали на колени, когда ему было одиннадцать.

— Я скажу один раз, — проговорил он холодно и отчётливо. — Владимир — сын Отца. Мой брат. И пока я своими глазами не увижу доказательств, никто в этом доме при мне не

назовёт его предателем. Думайте что хотите, это ваше дело. Но вслух — нет. Кто скажет вслух, того я запомню.

Маркус сунул зубочистку обратно в рот и отвернулся к окну.

— Мы его ищем. Всеми, кто у нас есть. Живого или мёртвого. Всё, разошлись.

Капитаны расходились молча. Последним уходил Пейн и задержался в дверях.

— Ты спросил, кто выбирал маршрут, — сказал он негромко, без всякого злорадства. — И не знаешь ответа. Узнай, Рэй. Это первое, что спросят, когда начнут судить. Неважно, кого именно.

Он ушёл. Рэй стоял у окна перед собственным отражением в чёрном стекле, пока Константин не погасил верхний свет.

Омар по-настоящему пришёл в себя только в ту ночь: до тех пор Ясухиро держал его на снотворном. Первым делом он спросил про Джонни. Ему сказали. Он долго лежал, уставившись в потолок, а потом спросил второе:

— А кто машину вёл?

— Платон, — сказала сиделка. — Сам. С пулей в боку.

— Не помню я. Помню, как за руль сел. А потом ничего. Как отрезало.

— И не надо вам вспоминать. Спите.

Омар закрыл глаза, но уснуть не мог ещё долго: всё пытался вспомнить дорогу. Заправка, первый поворот, голос Платона: «налево». А дальше темнота, и сколько он в ней ни шарил, не нашёл ни одного фонаря, ни одного перекрёстка — будто его в той машине вовсе не было.

Глава 7. Его никто не возьмёт

К шестнадцати Рэй привык к ночным поручениям: выбить из должника то, что тот тянет, проверить точку, убедиться, что мелкий торговец не прячет часть выручки под прилавком. В тот вечер надо было забрать конверт у хозяина прачечной на границе территории, который каждый месяц находил причину отдать на день позже.

Обратно Рэй срезал через квартал, который местные после темноты обходили стороной. Ничья земля — не Отца и не чья-нибудь ещё, просто несколько улиц, где закон определял тот, кто в эту минуту сильнее. Рэй ходил здесь с тринадцати и шёл спокойно.

У закрытой аптеки на углу раздался короткий придушенный вскрик, будто кричавшему зажали рот, и Рэй свернул на звук раньше, чем успел подумать, стоит ли.

В переулке крупный мужчина держал за руку девчонку лет четырнадцати. Она вырывалась молча и зло, упираясь ногами в асфальт, а второй, помельче, стоял под фонарём и пересчитывал деньги, не глядя в её сторону. Так в этом квартале обычно и бывало: прохожие ускоряли шаг и смотрели под ноги.

— Отпусти её, — сказал Рэй.

— Не твоё дело, пацан, — лениво процедил тот, что считал, даже не подняв головы. — Шёл куда-то — вот и иди. Пока цел.

Девчонка перестала вырываться. Надежды в её взгляде было мало, зато много усталого знания: сейчас пацан развернётся и уйдёт, как уходили все. Этот взгляд Рэй знал. Так он сам смотрел на пары в светлых пальто.

— Отпусти, — повторил он, и голос стал холодным и плоским.

— А то что? — Второй наконец поднял глаза и издевательски ухмыльнулся. — Мамку позовёшь? У нас тут дело, мальчик, взрослое. Иди отсюда, пока я не рассердился. Я когда сержусь, некрасивый становлюсь.

— Последний раз прошу по-хорошему.

Оба заржали. Тот, что держал девчонку, отпустил её и шагнул к Рэю, разминая шею: собирался показать сопляку его место и потратить на это секунды три.

Ушло меньше. Рэй ушёл от замаха, как уходил от Владимира на мате, и ответил ребром ладони в горло. Мужчина согнулся, хватая ртом воздух. Второй бросил деньги и полез за пояс, но Рэй был уже рядом, и шесть лет у Хиро сделали всё сами: удар в висок — и мужчина лёг на асфальт, так и не вытащив того, за чем лез.

— Беги, — бросил Рэй, тяжело дыша и не оборачиваясь. — Ну! Чего ждёшь?

Она не побежала. Стояла, вжавшись спиной в стену, и переводила глаза с него на лежащих и обратно.

— Ты чего встала-то? Уходим, пока они не очухались.

— Куда? — Голос у неё был тихий, с хрипотцой, будто им давно не пользовались. — Мне некуда. У меня нет никакого «куда».

Рэй пригляделся. Тощая, в грязной куртке, на скуле наливается синяк, взгляд тяжёлый, немигающий — такой он шесть лет назад видел в треснувшем зеркале приютского туалета.

— Теперь есть, — сказал он и сам не понял, что пообещал.

* * *

До поместья шли пешком почти сорок минут. Звонить за машиной Рэй не стал: не хотелось объяснять по телефону то, чего он сам не понимал. Девчонка держалась в двух шагах позади и вздрагивала от каждого резкого звука, а Рэй всю дорогу сочинял, что скажет Отцу, и всякий раз выходило глупо. В конце концов он решил сказать как есть: соврёт — Отец всё равно поймёт.

— Тебя как зовут-то? — спросил он у самых ворот.

— Какая тебе разница, — угрюмо буркнула она.

Он остановился. Шесть лет назад он сказал те же слова в бетонном коридоре человеку с чужой кровью на рукаве — и только сейчас понял, что тот человек тогда чувствовал.

— Мне не всё равно, — сказал он неожиданно мягко. — Не люблю звать людей «эй ты».

Она долго молчала.

— Рита, — едва слышно сказала она.

— А я Рэй.

— А мне всё равно, как тебя зовут.

— Ну и ладно. — Рэй невольно улыбнулся и толкнул калитку. — Здесь тебя никто не тронет. Я за этим прослежу.

— Не можешь ты такого обещать. Никто не может.

— А я могу.

Она посмотрела на него по-другому — уже не как на очередную угрозу, а как на что-то, чему ещё не придумано названия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.